

ДЖОН СТЕЙНБЕК

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

**КВАРТАЛ «ТОРТИЛЬЯ-ФЛЭТ»
КОНСЕРВНЫЙ РЯД**

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

Джон Эрнст Стейнбек
Квартал Тортилья-Флэт.
Консервный ряд (сборник)
Серия «Эксклюзивная классика (АСТ)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21984844

*Квартал Тортилья-Флэт ; Консервный ряд : [повести] / Джон
Стейнбек: АСТ; Москва; 2016*

ISBN 978-5-17-098899-0

Аннотация

В сборник вошли два произведения Джона Стейнбека, посвященные колоритному миру трущоб калифорнийского города Монтерея 1930-х, обитатели которого промышляют мелким воровством, нелегальными аферами и часто оказываются за решеткой. Но грубоватые манеры сочетаются у них с возвышенными устремлениями, а склонность к лицемерию оборачивается трогательным простодушием. Сам Стейнбек в предисловии к «Кварталу Тортилья-Флэт» так отзывался о своих героях: «Люди, которых я знаю и люблю; люди, которые превосходно приспосабливаются к окружающей среде. Такое свойство человеческой натуры зовется истинно философским отношением к жизни, и это – прекрасная вещь».

В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

Содержание

Квартал Тортилья-Флэт	6
Предисловие	6
Вступление	9
Глава I	14
Глава II	23
Глава III	30
Глава IV	39
Глава V	55
Глава VI	68
Глава VII	76
Глава VIII	99
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Джон Стейнбек

Квартал Тортилья-Флэт.

Консервный ряд (сборник)

John Steinbeck

TORTILLA FLAT

CANNERY ROW

Перевод с английского

И. Гуровой («Квартал Тортилья-Флэт»),

Е. Суриц («Консервный ряд»)

Печатается с разрешения The Estate of Elaine A. Steinbeck
и литературных агентств McIntosh and Otis, Inc. Andrew
Nurnberg.

© John Steinbeck, 1935, 1945

© Copyright for Tortilla Flat renewed by John Steinbeck,
1963

© Copyright for Cannery Row renewed Elaine Steinbeck,
Thom Steinbeck, and John Steinbeck IV, 1973

© Перевод. И. Гурова, наследники, 2016

©Издание на русском языке AST Publishers, 2016

* * *

Квартал Тортилья-Флэт

Предисловие

Когда я писал эту книгу, мне не приходило в голову, что моих пайсано можно счесть любопытной или смешной диковинкой, существами, замученными нуждой или приниженными. Все это люди, которых я знаю и люблю; люди, которые превосходно приспосабливаются к окружающей среде. Такое свойство человеческой натуры зовется истинно философским отношением к жизни, и это прекрасная вещь.

Знай я, что этих людей сочтут забавной диковинкой, я, наверное, не стал бы писать про них.

Когда я учился в школе, у меня был приятель. Мы называли его ріојо¹; у этого смуглого мальчугана, очень доброго и хорошего, не было ни отца, ни матери — только старшая сестра, которую мы все любили и уважали. Мы почтительно называли ее «девицей на часок». Ни у кого в городе не было таких румяных щек, и она частенько угощала нас хлебом с помидорами. Так вот, в домике, где жили ріојо и его сестра, «девица на часок», кран кухонной раковины был отломан, а труба наглухо забита деревянной пробкой. Воду для стряп-

¹ Вошь (исп.).

ни и питья брали из унитаза. Для этого на полу рядом с ним стоял жестяной ковшик. Когда вода кончалась, стоило только дернуть ручку, и запас ее пополнялся. Использовать унитаз по назначению строжайше запрещалось. Однажды, когда мы запустили туда головастика, хозяйка дома как следует отругала нас, а потом смыла наших питомцев.

Быть может, это – возмутительное нарушение благопристойности. Но я так не считаю. Быть может, это забавно – забавно, о Господи! Я долгое время приобщался приличиям, и все-таки я не могу думать о сестре рюю как о – есть ли слово гнуснее? – как о проститутке, а о его бесчисленных дядюшках, порой даривших нам монетки, как о ее клиентах.

Все вышесказанное сводится в конце концов к тому, что это не предисловие, а эпилог. Я написал эти рассказы потому, что они правдивы, и потому, что они мне нравились. Но литературные мещане отнеслись к этим людям с вульгарной высокомерностью герцогинь, которые жалеют крестьян, снисходительно над ними посмеиваясь. Рассказы эти напечатаны, и взять их назад я не могу. Но никогда больше я не отдам на поругание приличным обывателям этих хороших людей, веселых и добрых, честных в своих плотских желаниях и прямодушных, истинно вежливых, а не просто учтивых. Если, рассказав о них, я им повредил, то глубоко сожалею об этом. Больше это не повторится.

Adios², Монтерей

Июнь 1937 года. Джон Стейнбек

² Прощай (исп.).

Вступление

Это повесть о Дэнни, и о друзьях Дэнни, и о доме Дэнни. Это повесть о том, как Дэнни, его друзья и его дом стали единым целым, так что когда в квартале Тортилья-Флэт говорят о доме Дэнни, то имеют в виду вовсе не деревянные стены с облупившейся побелкой, совсем скрытые разросшимися кустами кастильской розы. Нет, когда там говорят о доме Дэнни, то подразумевают некое единство, частично состоящее из людей, единство, от которого исходили радость и веселье, готовность помочь и — уже под конец — мистическая печаль. Ибо дом Дэнни был подобен Круглому столу, а друзья Дэнни — рыцарям Круглого стола. И это повесть о том, как возникло их содружество, как оно расцвело и превратилось в союз, исполненный красоты и мудрости. В ней будет рассказано о рыцарских приключениях друзей Дэнни, о сделанном ими добре, об их мыслях и об их подвигах. А в конце этой повести будет рассказано, как был потерян талисман и как распалось содружество.

В Монтерее, старинном городе на калифорнийском побережье, все эти истории хорошо известны, их повторяют снова и снова, а иной раз и приукрашивают. Вот почему этот цикл следует запечатлеть на бумаге, дабы ученые будущих времен, услышав входящие в него легенды, не сказали бы, как говорят они об Артуре, о Роланде и о Робин Гуде:

«Не было никакого Дэнни, и никаких его друзей, и никакого его дома. Дэнни – это божество, олицетворяющее природу, а его друзья – всего лишь первобытные символы ветра, неба и солнца». И цель этой летописи – раз и навсегда сделать невозможной презрительную усмешку на губах угрюмых ученых.

Монтерей лежит на склоне холма между голубым заливом и темным сосновым лесом. В кварталах, расположенных ниже по склону, живут американцы, итальянцы, рыбаки и рабочие консервных заводов. Но на вершине холма, где город сливается с лесом, где на улицах нет асфальтовых мостовых, а на углах – фонарей, укрепились старейшие обитатели Монтерея, как древние британцы укрепились в Уэльсе. Это и есть пайсано.

Они живут в деревянных домишках, дворы которых заросли бурьяном, и над их жилищами еще покачиваются уцелевшие сосны. Пайсано не заражены коммерческим духом, они не стали рабами сложной системы американского бизнеса; да она, впрочем, и не слишком стремилась их опутать – ведь у них нет имущества, которое можно было бы украсть, оттягать или забрать в обеспечение займа.

Что такое пайсано? Он потомок испанцев, индейцев и мексиканцев и еще – всевозможных европейцев. Предки его поселились в Калифорнии лет сто-двести назад. По-английски он говорит, как пайсано, и по-испански он говорит, как пайсано. Если спросить его, какой он национальности, он

негодующе объявит себя чистокровным испанцем и, закатав рукав, покажет, что кожа с внутренней стороны предплечья у него почти белая. Свою смуглоту, напоминающую цвет хорошо обкуренной пенковой трубки, он приписывает загару. Он – пайсано и живет на окраине города Монтерея, расположенной на вершине холма, которая зовется Тортилья-Флэт, «Лепешечная равнина», хотя это вовсе не равнина.

Дэнни был пайсано, он вырос в Тортилья-Флэт, и все его там любили, но, впрочем, он ничем не отличался от остальных шумливых ребятишек квартала. Почти с каждым жителем Тортилья-Флэт его связывали узы родства или романтической дружбы. Дед его был важной персоной, ему принадлежали в квартале два домика, и все уважали его за богатства. И если Дэнни, подрастая, предпочитал спать в лесу, работать на окрестных ранчо и с боем вырывать еду и вино у сурового мира, не отсутствие влиятельных родственников послужило тому причиной. Дэнни был невысок, смугл и настойчив. К двадцати пяти годам ноги его окончательно приобрели кривизну, точно соответствующую изгибу конского бока.

И вот, когда Дэнни исполнилось двадцать пять лет, началась война с Германией. Когда Дэнни и его друг Пилон (да, кстати, «пилоном» называется придача после заключения сделки – магарыч) услышали про войну, они располагали двумя галлонами вина. Большой Джо Португалец заметил блеск бутылей среди сосен и присоединился к Дэнни и Пи-

лону.

По мере того как вина в бутылках становилось все меньше, патриотизма в их сердцах становилось все больше. И вот, когда вино кончилось, все трое спустились с холма, нежно взявшись за руки – во имя дружбы и чтобы крепче держаться на ногах, – и зашагали по улицам Монтерея. Перед домом, где записывали добровольцев в армию, они принялись кричать «ура» в честь Америки и поносить Германию. Они осыпали Германскую империю проклятиями до тех пор, пока сержант-вербовщик не проснулся, не надел форму и не вышел на улицу, чтобы их утихомирить. В постель он вернулся не скоро, потому что стал записывать их в армию.

Сержант выстроил их перед столом. Они благополучно прошли все проверки, кроме одной – проверки на трезвость, и тогда сержант принялся задавать им вопросы, начав с Пилон:

– В каком роде войск ты хочешь служить?

– А мне наплевать, – небрежно бросил Пилон.

– Такие молодцы нам, пожалуй, нужнее всего в пехоте.

И Пилон был направлен в пехоту.

Затем сержант повернулся к Большому Джо, но Португалец уже успел немного протрезвиться.

– А ты куда хочешь?

– Я хочу домой, – тоскливо сказал Большой Джо. Сержант и его записал в пехоту. Наконец он обратился к Дэнни, который давно уже стоя спал:

– Куда тебя направить?

– А?

– Я говорю: в каком роде войск ты хочешь служить?

– Что значит «в каком роде»?

– Что ты умеешь делать?

– Я? Я все умею.

– А что ты делал раньше?

– Я? Был погонщиком мулов.

– Ах вот как! Со сколькими мулами зараз ты сумеешь справиться?

Дэнни наклонился к нему с небрежным видом профессионала.

– А сколько их у вас?

– Тысяч около тридцати.

Дэнни взмахнул рукой:

– Давайте их сюда!

И вот Дэнни отправился в Техас и до конца войны объезжал мулов, Пилон маршировал по Орегону вместе с пехотой, а Большой Джо, как будет рассказано дальше, сидел в тюрьме.

Глава I

О том, как Дэнни, вернувшись с войны, получил наследство, и о том, как он поклялся защищать сырых и обиженных

Когда Дэнни вернулся домой из армии, он узнал, что получил наследство и что у него есть недвижимая собственность. Его въехо – другими словами, его дед – умер, оставив Дэнни два домика в квартале Тортилья-Флэт.

Когда Дэнни слышал об этом, он ощутил, что на его плечи ложится бремя забот, которыми чревато всякое обладание собственностью. Прежде чем отправиться осматривать свое имущество, он купил галлон красного вина и выпил его почти весь в одиночку. Тогда бремя спало с его плеч и в нем пробудились самые худшие свойства его натуры. Он орал во всю глотку, он сломал парочку стульев в бильярдной на улице Альварадо и затеял две короткие, но восхитительные драки. Но никто не хотел его замечать. В конце концов заплетаются кривые ноги понесли его к пристани, куда, готовясь выйти в море, сходились в этот ранний час рыбаки-итальянцы в резиновых сапогах.

Расовые предрассудки взяли верх над здравым смыслом Дэнни. Он стал угрожать рыбакам. Он называл их «сицилийскими ублюдками». Он кричал: «Chinga tu madre, Piojo»³. Он

³ Грубое испанское ругательство.

показывал им нос и делал всякие неприличные жесты. Но рыбаки только усмехались, разбирали весла и говорили:

– Здорово, Дэнни. Когда это ты вернулся? Приходи сегодня вечером. У нас есть молодое вино.

Дэнни был возмущен до глубины души.

– Pon un condo a la cabeza⁴.

Они крикнули ему:

– До свиданья, Дэнни. До вечера.

И, забравшись в утлые лодчонки, подгребли к своим моторкам, завели их и, тарахтя, уплыли прочь.

Дэнни почувствовал себя оскорбленным. Он двинулся обратно вверх по улице Альварадо, разбивая по пути окна, и на втором перекрестке его арестовал полицейский. Дэнни питал большое почтение к закону и сопротивляться не стал. Если бы он не был только что демобилизован после победы над Германией, то получил бы шесть месяцев. Но сейчас судья дал ему только тридцать дней.

И вот в течение месяца Дэнни сидел на койке в городской тюрьме Монтерея. Иногда он рисовал на стенах непристойные картинки, а иногда вспоминал свою военную карьеру. Время в этой камере городской тюрьмы тянулось очень, очень медленно. Порой к нему на ночь запирали какого-нибудь пьяницу, но обычно в преступной жизни Монтерея царил застой, и Дэнни изнывал от одиночества. Сперва ему немного докучали клопы, но когда они привыкли к его вку-

⁴ Грубое испанское ругательство.

су, а он свыкся с их укусами, недоразумения между ними прекратились.

Он стал развлекаться сатирами. Он изловил клопа, раздавил его на стене, обвел кружком и подписал карандашом — «мэр Клу». Потом наловил еще клопов и назвал их в честь муниципальных советников города. Вскоре вся стена была украшена раздавленными клопами, носившими имена видных деятелей Монтерея. Он пририсовывал им уши и хвосты, снабжал их огромными носами и усами. Тито Ральф, тюремный надзиратель, был шокирован, но промолчал, так как Дэнни не включил в свою картинную галерею ни судью, отправившего его в тюрьму, ни кого-либо из полицейских чинов. Дэнни весьма уважал закон.

Как-то вечером, когда тюрьма пустовала, Тито Ральф вошел в камеру Дэнни с двумя бутылками вина. Через час он отправился за новыми запасами, и Дэнни отправился с ним. В тюрьме было неуютно. Они купили вина в заведении Торрелли и сидели там, пока Торрелли не вышвырнул их на улицу. Тогда Дэнни пошел на вершину холма и уснул в лесу под соснами, а Тито Ральф, шатаясь, побрел в тюрьму и доложил о его побеге.

Когда в полдень ослепительное солнце разбудило Дэнни, он решил весь день прятаться, спасаясь от погони. Он кружил среди кустов. Он выглядывал из молодой поросли, как затравленная лисица. А вечером, выполнив все условия игры, он вышел из лесу и отправился по своим делам.

В делах Дэнни не было ничего темного или таинственного. Он подошел к задней двери ресторана.

– Нет ли у вас черствого хлеба для моей собаки? – спросил он у повара.

И пока этот доверчивый человек заворачивал ему хлеб, Дэнни украл два куска ветчины, четыре яйца, баранью отбивную и мухобойку.

– Я заплачу вам потом, – сказал он.

– Берите даром. Я бы все равно их выбросил.

На душе у Дэнни полегчало. Раз так, значит, он неповинен в воровстве. Он вернулся в заведение Торрелли, обменял четыре яйца, баранью отбивную и мухобойку на большой стакан граппы и отправился в лес стряпать себе ужин. Вечер был темный и сырой. Меж сосен, охраняющих сухопутные пределы Монтерея, мокрым тюлем висел туман. Дэнни втянул голову в плечи и затрусил под защиту леса. Впереди он разглядел еще одну темную фигуру и, когда расстояние между ними сократилось, узнал подпрыгивающую походку своего старого друга Пилона. Дэнни был щедрым человеком, но тут он вдруг вспомнил, что продал все свои съестные припасы, кроме двух кусков ветчины и кулька черствого хлеба.

«Я не стану окликать Пилона, – решил он. – Он вышагивает как человек, который объелся жареной индейкой и всякими другими лакомствами».

Но тут Дэнни вдруг заметил, что Пилон нежно прижимает руку к груди.

– Здравствуй, Пилон, amigo⁵, – закричал Дэнни.

Пилон ускорил шаг. Дэнни перешел на рысь.

– Пилон, дружок, куда ты так торопишься?

Пилон смирился с неизбежным и остановился. Дэнни приблизился с некоторой опаской, но голос его был исполнен восторга:

– Я разыскивал тебя, милый ангелочек моего сердца, потому что, погляди-ка, у меня есть два больших куска от свины самого Господа Бога и мешок сладкого белого хлеба. Раздели же со мной и то и другое, Пилон, пышечка.

Пилон пожал плечами.

– Как хочешь, – злобно пробурчал он.

Они вместе углубились в лес. Пилон недоумевал. Наконец он остановился и посмотрел на приятеля.

– Дэнни, – печально сказал он. – Откуда ты знаешь, что у меня под курткой бутылка коньяку?

– Бутылка коньяку? – вскричал Дэнни. – У тебя есть коньяк? Наверное, он для твоей больной старушки матери, – добавил он простодушно. – А может, ты хранишь этот коньяк для Господа нашего Иисуса Христа, чтобы угостить его в день второго пришествия. Разве мне, твоему другу, пристало судить, для чего предназначен этот коньяк? И я даже не знаю, есть ли он у тебя. Кроме того, я не хочу пить. Я не дотронусь до этого коньяка. Кушай на здоровье мое свиное жаркое, ну а твой коньяк – он твой.

⁵ Друг (*исп.*).

Пилон сказал сурово:

– Дэнни, я готов отдать тебе половину моего коньяка. Но мой долг – присмотреть, чтобы ты не выпил его весь.

Тут Дэнни переменял тему:

– Вот здесь, на поляне, я зажарю эту свинью, а ты поджаришь сахарные хлебцы из этого мешка. Коньяк поставь вот сюда, Пилон. Это самое лучшее для него место – так мы будем видеть и его и друг друга.

Они развели костер, поджарили ветчину и съели черствый хлеб. Коньяк в бутылке быстро убывал. Поев, они придвинулись поближе к огню, отхлебывая из бутылки маленькими глоточками, как озябшие пчелы. Туман окутал их, и их куртки поседели от его капель. В соснах над их головами грустно вздыхал ветер.

И вскоре Пилоном и Дэнни овладела тоска. Дэнни стал вспоминать потерянных друзей.

– Где Артур Моралес? – спросил Дэнни, простирая руки ладонями вверх. – Погиб во Франции, – ответил он себе и, повернув ладони вниз, в отчаянии опустил руки. – Погиб за родную страну. Погиб в чужой земле. Чужие люди проходят мимо его могилы, и они не знают, что в ней зарыт Артур Моралес. – Он снова поднял руки ладонями вверх. – А где Пабло, такой хороший человек?

– В тюрьме, – ответил Пилон. – Пабло украл гуся и спрятался с ним в кустах, а гусь ущипнул Пабло, и Пабло закричал, и его поймали. Теперь ему сидеть в тюрьме шесть ме-

сяцев.

Дэнни вздохнул и умолк, так как понял, что легкомысленно поторопился использовать единственного своего знакомого, который мог послужить темой для прочувствованной речи. Но тоска продолжала мучить его и требовала выхода.

– Вот сидим мы... – начал он наконец.

– Сердце ноет, – добавил Пилон, попадая в размер.

– Нет, это не стихи, – возразил Дэнни. – Вот сидим мы, бесприютные. Мы отдавали жизнь за родную страну, а теперь у нас нет даже крыши над головой.

– И никогда не было, – весьма уместно вставил Пилон.

Дэнни задумчиво тянул коньяк, пока Пилон не дернул его за локоть и не отобрал бутылку.

– Это напомнило мне, – сказал Дэнни, – историю о человеке, у которого было два веселых дома... – Тут он умолк с открытым ртом. – Пилон! – воскликнул он. – Пилон! Уте-ночек мой! Дружочек! И как это я забыл? Ведь я получил наследство. У меня теперь есть два дома.

– Два веселых дома? – с надеждой спросил Пилон. – Ты врешь спьяну, – спохватился он.

– Нет, Пилон. Я говорю правду. Мой въехо умер. Я его наследник. Я – его любимый внук.

– Единственный внук, – поправил педантичный Пилон. – А где эти дома?

– Ты знаешь дом моего въехо в Тортилья-Флэт, Пилон?

– Здесь, в Монтерее?

– Ну да, в Тортилья-Флэт.

– А они на что-нибудь годятся, эти дома?

Дэнни откинулся на спину, измученный пережитым волнением.

– Не знаю. Я совсем забыл, что они у меня есть.

Пилон молчал и сосредоточенно о чем-то думал. Лицо его стало печальным. Он бросил в костер горсть сосновых игл и глядел, как огненные язычки взметнулись по ним и тут же погасли. Затем он долго и тревожно всматривался в лицо Дэнни, а потом громко вздохнул и еще раз вздохнул.

– Теперь все кончено, – сказал он уныло. – Пришли к концу дни радости. Твои друзья будут оплакивать их, но этим беде не поможешь.

Дэнни поставил бутылку, и Пилон забрал ее и зажал между колен.

– Что кончено? – недоуменно спросил Дэнни. – О чем ты?

– Это ведь всегда так, – продолжал Пилон. – Когда человек беден, он думает: «Будь у меня деньги, я бы поселился с моими добрыми друзьями». Но стоит ему получить эти деньги, как великодушие и щедрость покидают его. Вот что случилось с тобой, мой бывший друг. Теперь ты возвысился над своими друзьями. Теперь ты домовладелец. И ты позабудешь своих друзей, которые всем с тобой делились, даже своим коньяком.

Его слова расстроили Дэнни.

– Я не такой, – крикнул он. – Я тебя никогда не позабуду,

Пилон.

– Это ты сейчас так думаешь, – холодно сказал Пилон. – Но когда ты сможешь спать в двух домах, тогда сам увидишь. Пилон – только бедняк пайсано, а ты будешь обедать у мэра.

Дэнни с трудом поднялся на ноги и выпрямился, цепляясь за дерево.

– Пилон, клянусь: все, что у меня есть, – твое. Пока у меня есть дом, у тебя тоже есть дом. Дай мне выпить.

– Не поверю, пока не увижу своими глазами, – безнадежным голосом произнес Пилон. – Случись такое, это было бы чудо на весь мир. Люди приезжали бы за тысячу миль поглядеть на него. Да и бутылка пуста.

Глава II

От том, как Пилон, прельстившись солидным положением, покинул гостеприимный кров Дэнни

Нотариус оставил их у калитки второго дома, уселся в свой «форд» и, гроыхая, покати́л вниз по склону холма в Монтерей.

Дэнни и Пилон стояли перед некрашеным забором и с восторгом глядели на недвижимое имущество – на приземистый домишко, еще хранящий полосы давней побелки, на его пустые слепые окошки без занавесок. Но у крыльца цвела пышная кастильская роза, а в бурьяне, которым зарос дворик, кое-где алела дедушкина герань.

– Этот лучше того, – сказал Пилон. – Он больше.

Дэнни держал в руке новенький ключ. Он на цыпочках прошел по скрипучему крыльцу и отпер дверь. Большая комната осталась точно такой же, как при жизни въехо. Украшенный розой календарь за 1906 год, шелковый платок на стене, с Боевым Бобом Эвансом, выглядывающим из-за палубных надстроек броненосца, прибитый рядом букет красных бумажных роз, связки запылившегося красного перца и чеснока, железная печка, старые кресла-качалки.

Пилон заглянул в дверь.

– Три комнаты, – благоговейно прошептал он. – И кровать, и печка. Мы будем здесь счастливы, Дэнни.

Дэнни с опаской переступил порог. От въехо у него остались самые неприятные воспоминания. Пилон опередил его и бросился в кухню.

— Раковина с краном, — крикнул он и повернул кран. — Вода не идет. Дэнни, пусть водопроводная компания включит воду.

Они стояли и улыбались друг другу. Но Пилон заметил, что обладание собственностью уже накладывает печать беспокойства на лицо Дэнни. Никогда больше не будет оно беззаботным. Никогда больше не будет Дэнни бить окна, раз у него самого теперь есть окна, которые можно разбить. Пилон был прав — Дэнни возвысился над своими друзьями. Плечи его расправились, готовые принять на себя все тяготы новой сложной жизни. Но перед тем как он навсегда покончил со своим прежним простым и ясным существованием, один крик боли все же сорвался с его уст.

— Пилон, — сказал он грустно. — Хорошо бы этот дом был твоим, а я поселился бы здесь с тобой!

Пока Дэнни ходил в Монтерей просить, чтобы включили воду, Пилон забрел на заросший бурьяном задний двор. Тут стояли фруктовые деревья, почерневшие и покрывшиеся наростами от старости, искривившиеся и засыхающие от отсутствия ухода. В бурьяне имелись шалашики для несушек, груда ржавых обручей, куча золы и размокший матрас. Пилон заглянул через забор в птичник миссис Моралес и, минуту поразмыслив, проделал в заборе несколько дырок для

кур.

«Им будет приятно устраивать гнезда в высоком бурьяне», – сочувственно подумал он. Он решил также изготовить ловушки на случай, если во двор вдруг явятся петухи и будут мешать курам и не пускать их в гнезда. «Мы будем тут счастливы», – снова подумал он.

Дэнни вернулся из Монтерея полный негодования.

– Водопроводная компания требует депозита, – сказал он.

– Депозита?

– Ну да. Сначала дай им три доллара, а потом они пустят воду.

– Три доллара, – назидательно заявил Пилон, – это три галлона вина. А когда оно кончится, мы займем ведро воды у нашей соседки миссис Моралес.

– Но у нас нет трех долларов на вино.

– Я знаю, – сказал Пилон. – Но, может быть, нам удастся занять немного винца у миссис Моралес.

День начинал клониться к вечеру.

– Завтра мы наведем тут порядок, – сказал Дэнни. – Завтра мы тут все вымоем и выскребем. А ты, Пилон, скосишь бурьян и выбросишь весь мусор в овраг.

– Бурьян? – в ужасе вскричал Пилон. – Только не этот бурьян! – И он изложил свои соображения относительно кур миссис Моралес.

Дэнни тут же согласился с ним.

– Мой друг, – сказал он, – я рад, что ты поселился у ме-

ня. А теперь я наберу топлива, а ты раздобудь что-нибудь на обед.

Пилон, вспомнив про свой коньяк, решил, что это несправедливо.

«Я становлюсь его должником, – с горечью подумал он. – Я лишусь свободы. Скоро я стану рабом из-за этого кровопийцы-дома».

Но он все-таки отправился искать обед.

Пройдя две улочки, уже у самой опушки леса он заметил петушка плимутрока, разгребавшего пыль посреди дороги. Петушок достиг той поры юности, когда голос его начал ломаться, а ноги, шея и грудь еще не обросли перьями. Голова Пилона была еще полна благостными размышлениями о курах миссис Моралес, и, быть может, поэтому он тут же ощутил живейшую симпатию к молодому петушку. Он медленно направился к темному сосновому лесу, а петушок бежал перед ним.

Пилон сочувственно думал: «Бедная лысая птичка. Как ты, наверное, мерзнешь на рассвете, когда выпадает роса и воздух холодеет перед зарей. Милосердный Господь не всегда бывает милосерден к малым тварям». И еще он подумал: «Вот ты играешь на улице, цыпленочек, и в один прекрасный день тебя переедет автомобиль, и тебе еще повезет, если он сразу убьет тебя. Но что, если он только сломает тебе крыло или лапку? Тогда ты останешься несчастным калекой до конца дней своих. Твоя жизнь слишком тяжела для тебя,

маленькая птичка».

Он продвигался медленно и расчетливо. Порой петушок пытался прорваться назад, но каждый раз у него на пути оказывался Пилон. В конце концов он исчез среди сосен, и Пилон неторопливо последовал за ним.

Да будет воздано должное душевной доброте Пилона: из чащи не донеслось ни единого крика страдания. Петушок, которому Пилон пророчил жизнь, полную мук, умер мирно или, во всяком случае, тихо. А это делает немалую честь сноровке Пилона.

Десять минут спустя он вышел из лесу и зашагал к домику Дэнни. Петушок, уже ощипанный и расчлененный, покоился в его карманах. Среди жизненных правил, которыми руководствовался Пилон, одно было незыблемо: никогда, ни при каких обстоятельствах не приноси домой перья, голову и лапки, ибо только по ним можно опознать птицу.

Вечером друзья топили печку сосновыми шишками. Огонь ворчал в трубе. Дэнни и Пилон, сытые, пригревшиеся и счастливые, тихонько покачивались в качалках. Обедали они при свете огарка, но теперь только отблески огня в печке разгоняли мрак комнаты. И к довершению блаженства по крыше забарабанил дождь. Крыша протекала совсем немного, да и то в местах, где все равно никто не захотел бы сидеть.

– Хорошо! – сказал Пилон. – Вспомни-ка ночи, когда мы мерзли на улице. Вот это настоящая жизнь!

– Да, – ответил Дэнни. – И как-то странно: сколько лет у

меня не было дома. А теперь их у меня целых два. Не могу же я ночевать в двух домах.

Пилон не терпел бессмысленного расточительства.

– Это и меня тревожит. Почему бы тебе не сдать другой дом жильцу? – предложил он.

Ноги Дэнни со стуком опустились на пол.

– Пилон! – воскликнул он. – Как я сам об этом не подумал? – Мысль казалась ему все более заманчивой. – Но кто его у меня снимет, Пилон?

– Я его сниму, – сказал Пилон. – Я буду платить за него десять долларов в месяц.

– Пятнадцать! – потребовал Дэнни. – Это хороший дом. Пятнадцать долларов – цена без запроса.

Пилон поворчал, но согласился. Впрочем, он согласился бы и на гораздо большую сумму, ибо он только что видел, как преобразается человек, поселившийся в собственном доме, и ему очень хотелось самому испытать такое преобразование.

– Значит, договорились, – закончил Дэнни. – Ты снимешь мой дом. Я буду хорошим домохозяином, Пилон. Я не стану тебе докучать.

У Пилона, если не считать года, проведенного в армии, ни разу в жизни не было за душой пятнадцати долларов. «Но платить за дом надо будет только через месяц, – подумал он, – а кто знает, что может случиться за месяц?»

Очень довольные, они покачивались у печки. Потом Дэнни вышел из дома и вскоре вернулся, держа в руках несколь-

ко яблок.

– Дождь их все равно испортил бы, – сказал он в свое оправдание.

Пилон, не желая отставать от друга, встал, зажег огарок и направился в спальню, откуда тотчас же вернулся с тазиком, кувшином, двумя красными стеклянными вазами и пучком страусовых перьев.

– Плохо, когда кругом столько хрупких вещей, – сказал он. – Стоит им разбиться или сломаться, и тебе становится грустно. Лучше совсем их не иметь. – Он снял со стены бумажные розы. – Подарок для синьоры Торрелли, – объяснил он, исчезая за дверью.

Вскоре он вернулся, мокрый, но торжествующий: в руке он держал бутылъ красного вина вместимостью в галлон.

Позже они сцепились друг с другом, но даже не узнали, кто победил, потому что оба очень устали от волнений этого дня. Вино навевало дремоту, и они так и уснули на полу. Огонь потух, печка, остывая, тихонько пощелкивала. Огарок опрокинулся и после нескольких протестующих голубых вспышек погас в лужице собственного сала. В доме воцарились тьма, тишина и покой.

Глава III

О том, как Пилон был отравлен ядом собственности и как зло на время восторжествовало в его душе

На следующий день Пилон поселился во втором домике. Этот домик был точно таким же, как и дом Дэнни, только поменьше. И у него тоже было свое крылечко, осененное цветущей кастильской розой, и свой заросший бурьяном двор, и свои старые, бесплодные фруктовые деревья, и своя алая герань, – а за забором находился птичник миссис Сото.

Дэнни, владевший домом, который можно было сдать внаем, стал великим человеком, а Пилон, сняв этот дом, довольно высоко поднялся по ступеням общественной лестницы.

Неизвестно, думал ли Дэнни получать квартирную плату и думал ли Пилон ее вносить. Если думали, то оба они были разочарованы в своих ожиданиях. Дэнни ни разу не потребовал ее, а Пилон ни разу ее не предложил.

Друзья виделись очень часто. Стоило Пилону раздобыть бутылку вина или кусок мяса, как Дэнни являлся к нему в гости. А если удача Дэнни или его ловкость приносили ему такие же блага, то Пилон проводил у него буйный вечерок. Бедняга Пилон отдал бы Дэнни причитавшиеся с него деньги, если бы они у него были, но их никогда у него не бывало, – во всяком случае, они исчезали прежде, чем ему удавалось найти Дэнни. Пилон был честным человеком. И порой

ему становилось не по себе при мысли о доброте Дэнни и о собственной бедности.

Как-то вечером он оказался обладателем доллара, ниспосланного ему столь удивительным способом, что он тут же постарался об этом забыть, опасаясь помрачения рассудка. Какой-то человек у дверей отеля «Сан Карлос» сунул доллар ему в руку и сказал: «Сбегай купи четыре бутылки фруктовой воды, а то в отеле ее нет». Бывают же на свете чудеса, думал Пилон. И следует принимать их на веру, а не сомневаться в них и не ломать над ними голову. Он направился вверх по холму, собираясь отдать доллар Дэнни, но по дороге купил галлон вина и с его помощью заманил к себе в дом двух пухленьких девиц.

Дэнни, проходя мимо, услышал шум и радостно поспешил войти. Пилон пал в его объятия и отдал все, что у него имелось, в распоряжение Дэнни. А потом, когда Дэнни помог ему разделаться с одной из девиц и с половиной вина, между ними началась чудеснейшая драка. Дэнни лишился зуба, а рубашка Пилона была разодрана в клочья. Девушки визжали и пинали того, кто оказывался внизу. Наконец Дэнни встал с пола и боднул одну из девиц в живот, так что она вылетела за дверь, квакая, как лягушка. Другая девушка украла две кастрюли и последовала за подругой.

Несколько минут Дэнни и Пилон оплакивали женское коварство.

– Ты и понятия не имеешь, какие все женщины твари, –

назидательно сказал Дэнни.

– Нет, имею, – ответил Пилон.

– И понятия не имеешь.

– Нет, имею.

– Врешь!

Началась новая драка, но уже далеко не такая славная.

После этого мысль о невнесенной квартирной плате перестала мучить Пилона. Разве он не оказал гостеприимства своему домохозяину?

Прошло еще несколько месяцев. И невнесенная квартирная плата вновь начала беспокоить Пилона. Терзания его становились все более невыносимыми. В конце концов он не выдержал и целый день потрошил каракатиц у Чин Ки, заработав два доллара. Вечером он повязал шею красным платком, надел широкополую шляпу своего отца и отправился на вершину холма, чтобы отдать Дэнни два доллара в счет долга.

Но по дороге он купил два галлона вина. «Так будет лучше, – подумал он. – Если я заплачу ему деньгами, это не покажет, какие горячие чувства я питаю к своему другу. Подарок – другое дело. И я скажу ему, что эти два галлона обошлись мне в пять долларов». Что было глупо, как отлично понимал Пилон, хотя и позволил себе помечтать: цены на вино в Монтерее Дэнни знал лучше всех.

Пилон шел и радовался. Решение его было твердо, нос обращен прямо в сторону дома Дэнни. Его ноги неторопливо,

но безостановочно двигались в нужном направлении. Под мышками он нес два бумажных мешка, и в каждом мешке была бутылка.

Наступили лиловые сумерки – тот сладостный час, когда дневной сон уже кончается, а вечер развлечений и дружеских бесед еще не начался. Сосны на фоне неба казались совсем черными, и все предметы вокруг уже окутала тьма, но небо было пронзительно ясным, как грустное воспоминание. Чайки, лениво взмахивая крыльями, летели домой на рифы после дневного посещения рыбоконсервных заводов Монтерея.

Пилон был мистиком, влюбленным в красоту. Он поднял лицо к небу, и душа его воспарила к последним отблескам солнечного сияния. Тот далекий от совершенства Пилон, который хитрил и дрался, ругался и пил, медленно брел своей дорогой, но другой Пилон, исполненный светлой грусти, сияющий белизной, вознесся туда, где чайки на чутких крыльях купались в вечернем сумраке. Этот Пилон был прекрасен, и его мысли не были осквернены ни себялюбием, ни плотскими желаниями. И узнать его мысли – благо.

«Отче наш вечерний, – думал он. – Эти птицы выются у чела Отца нашего. Милые птицы, милые чайки, как я вас всех люблю. Ваши медлительные крылья поглаживают мое сердце, как рука ласкового хозяина поглаживает сытое брюхо спящей собаки, как рука Христа поглаживала головки детей. Милые птицы, – думал он, – летите к Святой Деве Крот-

ких Печалей, отнесите ей мое раскрывшееся сердце». И он произнес вслух самые красивые слова, какие только знал:

– Ave Maria, gratia plena!⁶

Ноги скверного Пилона остановились. Поистине в эту минуту скверный Пилон перестал существовать (услышь это, о ангел, ведущий запись наших грехов!). Не было, нет и не может быть души чище, чем душа Пилона в эту минуту. Злой бульдог Гальвеса приблизился к покинутым ногам Пилона, которые стояли во тьме одни-одинешеньки. И бульдог Гальвеса понюхал эти ноги и отошел, не укусив их.

Душа омытая и спасенная – это душа, которой вдвойне угрожает опасность, ибо весь мир ополчается против такой души. «Самые соломинки под моими коленями, – говорит блаженный Августин, – вопиют, дабы отвлечь меня от молитвы».

Душа Пилона не устояла даже против его собственных воспоминаний: глядя на чаек, он вспомнил, что миссис Пас-тано нередко готовит из них свои тамале, и при этой мысли он почувствовал голод, а голод низверг его душу с небес. Пилон пошел дальше, вновь превратившись в сложную смесь добра и зла. Злой бульдог Гальвеса повернулся со свирепым рычанием и удалился, глубоко сожалея о том, что упустил такую превосходную возможность укусить Пилона за ногу.

Пилон ссутулился, чтобы удобнее было нести бутылки.

Душа, способная на величайшее добро, способна также

⁶ Радуйся, Мария, полная благодати! (лат.)

и на величайшее зло – этот факт подтверждается историей, в которой он не раз бывал запечатлен. Есть ли кто-нибудь нечестивее отрекшегося от веры священника? Есть ли кто-нибудь любострастнее недавней весталки? Впрочем, это, быть может, лишь внешнее впечатление.

Пилон, только что вернувшийся с небес, был, сам того не подозревая, особенно восприимчив к любому недоброму ветру, к любому дурному влиянию, которыми была полна ночь вокруг него. Правда, ноги все еще несли его по направлению к дому Дэнни, но в них уже не было прежней решимости и убежденности. Они ждали только повода, чтобы повернуть вспять. Пилон уже начал подумывать о том, как сокрушительно он может напиться с помощью двух галлонов вина, а главное – как долго быть пьяным.

Было уже совсем темно. И немощеная дорога, и канавы по обеим ее сторонам прятались во мраке. Я не вывожу никакой морали из того факта, что в миг, когда душа Пилона, словно перышко под дуновением ветра, колебалась между великодушным и себялюбием, – что в этот самый миг в канаве у дороги сидел Пабло Санчес, томимый желанием покурить и выпить стаканчик вина.

О, как должны молитвы миллионов мешать друг другу и уничтожать друг друга на пути к престолу Божьему!

Пабло сперва услышал шаги, потом увидел смутную фигуру и затем узнал Пилона.

– Здравствуй, amigo, – радостно закричал он. – Что это у

тебя за тяжкая ноша?

Пилон остановился как вкопанный и повернулся к канаве.

– Я думал, ты в тюрьме, – сказал он с упреком. – Я слышал про гуся.

– Я и был в тюрьме, Пилон, – весело отозвался Пабло. – Но меня там плохо встретили. Судья сказал, что наказание на меня не действует, а полицейские сказали, что я съедаю больше, чем отпускается на троих. И вот, – с гордостью заключил он, – меня отпустили под честное слово.

Пилон был вырван из когтей себялюбия. Правда, он не донес вино до дома Дэнни, но зато тут же пригласил Пабло разделить с ним это вино в доме, который он снимает. Если от дороги жизни ответвляются две тропы великодушия и пойти можно только по одной, то кому дано судить, которая из них лучше?

Пилон и Пабло весело вступили в маленький домик. Пилон зажег свечку и поставил на стол в качестве стаканов две банки из-под варенья.

– Твое здоровье! – сказал Пабло.

– Salud!⁷ – сказал Пилон.

– Salud! – несколько мгновений спустя сказал Пабло.

– Ну, желаю тебе! – сказал Пилон.

Они перевели дух.

– Su servidor!⁸ – сказал Пилон.

⁷ Твое здоровье! (исп.)

⁸ Ваш слуга! (исп.)

– Проехала! – сказал Пабло.

Два галлона – это немалое количество вина даже для двух пайсано. В духовном отношении эти бутылки можно распределить следующим образом. Чуть пониже горлышка первой бутылки – серьезная и прочувствованная беседа. Двумя дюймами ниже – воспоминания, овеванные приятной грустью. Еще три дюйма – вздохи о былых счастливых любовях. Еще дюйм – вздохи о былых несчастных любовях. На донышке – всеобъемлющая абстрактная печаль. Горлышко второй бутылки – черная, свирепая тоска. Двумя пальцами ниже – песнь смерти или томление. Большим пальцем ниже – все остальные песни, известные собутыльникам. На этом шкала кончается, ибо тут перекресток и дальнейшие пути неведомы. За этой чертой может произойти что угодно.

Но вернемся к первому делению, на котором начинается серьезная прочувствованная беседа, ибо именно тут Пилон сделал замечательный ход.

– Пабло, – сказал он. – Скажи, тебе никогда не надоедает спать в канавах, мокрым, бездомным, всеми покинутым, одиноким?

– Нет, – сказал Пабло.

Голос Пилона стал мягким и вкрадчивым:

– Так и я думал, мой друг, когда я был грязным, бесприютным псом. Я тоже был доволен своей долей, потому что я не знал, как приятно жить в маленьком домике с крышей и садом. Ах, Пабло, вот это жизнь!

– Да, конечно, это неплохо, – согласился Пабло.

Пилон ринулся в атаку:

– Послушай, Пабло, а не хотел бы ты снять часть моего дома? Тогда тебе больше уж не придется спать на холодной земле. Или на жестком песке под пристанью, где в твои башмаки залезают крабы. Хочешь жить здесь со мной?

– Само собой, – сказал Пабло.

– Ты будешь платить мне всего пятнадцать долларов в месяц! И в твоём распоряжении будет весь дом, кроме моей постели, и весь сад. Только подумай, Пабло! И если кто-нибудь напишет тебе письмо, ему будет куда его послать.

– Само собой, – сказал Пабло. – Это здорово.

Пилон облегченно вздохнул. Только сейчас он понял, каким бременем лежал на его душе долг Дэнни. Разумеется, он знал, что Пабло не заплатит за квартиру ни гроша, но это не уменьшало его торжества. Если Дэнни когда-нибудь потребует денег, он сможет сказать: «Я заплачу, когда заплатит Пабло».

Они достигли следующего деления, и Пилон вспомнил, как счастлив он был в дни детства.

– Никаких забот, Пабло. Я был безгрешен. Я был очень счастлив.

– С тех пор мы ни разу не были счастливы, – грустно согласился Пабло.

Глава IV

О том, как хороший человек Хесус Мария Коркоран против воли стал орудием зла

Жизнь Пилон и Пабло текла спокойно и очень приятно. По утрам, когда солнце выплывало из-за сосен, а далеко внизу искрился и играл волнами голубой залив, они неторопливо и задумчиво поднимались с постелей.

Солнечное утро – это время тихой радости. Когда высокие мальвы усыпаны сверкающими росинками, на каждом листке трепещет драгоценный камень, пусть ничего не стоящий, но зато прекрасный. Эти часы – не для спешки, не для суеты. Утро – время неторопливых, глубоких, золотых мыслей.

Пабло и Пилон в синих бумазейных штанах и синих рубахах рука об руку спустились в овраг за домом, а вернувшись, расположились на крыльце греться на солнце, слушать рожки рыботорговцев на улицах Монтерея и обсуждать сонно и рассеянно происшествия, волнующие Тортилья-Флэт, ибо каждый раз, пока земля оборачивается вокруг своей оси, в Тортилья-Флэт успевает произойти тысяча важнейших событий.

На крыльце они предавались блаженному покою. Только пальцы их босых ног порой постукивали по теплым доскам, отгоняя надоедливых мух.

– Если бы это была не роса, а бриллианты, – сказал Па-

бло, — мы бы разбогатели. Мы бы пили без просыпу всю жизнь.

Но Пилон, несший проклятие педантизма, возразил:

— Тогда бы у всех было много бриллиантов. И они ничего не стоили бы, а за вино всегда надо платить. Вот если бы вдруг пошел винный дождь, а у нас была бы цистерна, чтобы его собирать...

— Только чтобы дождь шел из хорошего вина, — перебил Пабло. — А не из того паршивого пойла, которое ты приволок в прошлый раз.

— Я ведь за него не платил, — сказал Пилон. — Кто-то спрятал бутылку в траве у дансинга. Чего же ты хочешь от найденного вина?

Они сидели, лениво отмахиваясь от мух.

— Корнелия Руис порезала вчера чумазого мексиканца, — заметил Пилон.

Пабло поглядел на него со слабым интересом.

— Подрались? — спросил он.

— Да нет. Просто чумазый не знал, что Корнелия завела себе вчера нового дружка. Чумазый только и сделал, что попробовал войти через окно, когда она заперла дверь.

— Чумазый всегда был дураком, — сказал Пабло. — Он помер?

— Да нет. Она только чуточку порезала ему руки. Корнелия вовсе и не сердилась. Просто она не хотела, чтобы чумазый вошел в дом.

– Корнелия не очень порядочная женщина, – сказал Пабло.

– Но она заказывает мессы по своему отцу, хоть он уже десять лет как помер.

– Они ему пригодятся, – заметил Пилон. – Он был скверным человеком и ни разу не попал за это в тюрьму, и он никогда не исповедовался. Когда старик Руис помирал, пришел священник его напутствовать, и тогда Руис исповедался. Корнелия рассказывает, что священник был блее полотна, когда выходил от больного. Только потом священник говорил, что не поверил и половине того, в чем Руис ему исповедовался.

Пабло кошачьим движением прикончил муху, севшую ему на колено.

– Руис всегда был лгуном, – сказал он. – Такой душе нужно много заупокойных месс. Но как, по-твоему, будет ли толк от мессы, если за нее платят деньгами, которые пропадают из карманов людей, пока они спят пьяные в доме Корнелии?

– Месса – это месса, – сказал Пилон. – Человеку, который продает тебе стаканчик вина, все равно, где ты достал на него деньги. И Богу все равно, чем платят за мессы. Он просто их любит, вот как ты вино. Отец Мерфи только и знал, что удить рыбу, и святое причастие весь сезон отдавало макрелью, но ведь оно от этого не теряло святости. Пускай в таких вещах разбираются священники. А нам нечего ломать над

ними голову. Где бы нам раздобыть яиц? Неплохо было бы съесть сейчас яичко.

Пабло нахлобучил шляпу на самые глаза, заслоняясь от ярких солнечных лучей.

– Чарли Милер сказал мне, что Дэнни гуляет теперь с Розой Мартин, португалкой.

Пилон в тревоге привскочил.

– А вдруг она захочет выйти замуж за Дэнни? Эти португалки всегда хотят выходить замуж, и еще они любят деньги. Вдруг, когда они поженятся, Дэнни начнет требовать с нас плату за дом? Этой Розе понадобятся новые платья. У женщин всегда так. Я их знаю.

Пабло тоже, казалось, был обеспокоен.

– Может, нам сходить к Дэнни поговорить? – предложил он.

– Может, у Дэнни найдутся яйца, – заметил Пилон. – Куры у миссис Моралес хорошо несутся.

Они надели башмаки и медленно побрели к дому Дэнни.

Пилон нагнулся, подобрал крышечку от пивной бутылки, выругался и отшвырнул ее.

– Какой-то скверный человек бросил ее здесь, чтобы обманывать людей.

– Я тоже вчера вечером на ней попался, – сказал Пабло, заглядывая во дворик, где поспевала кукуруза, и мысленно отметил, что она, пожалуй, уже поспела.

Дэнни сидел у себя на крыльце, в тени розового куста, и

шевелил пальцами босых ног, отгоняя мух.

– Привет, amigos, – вяло поздоровался он с ними.

Они уселись рядом с ним, сняли шляпы и разулись. Дэнни достал кисет и бумагу и передал их Пилону. Пилон это немного шокировало, но он ничего не сказал.

– Корнелия Руис порезала чумазого мексиканца, – сказал он.

– Я слышал, – отозвался Дэнни.

Пабло заметил ядовито:

– Нынешние женщины забыли, что такое добродетель.

– Опасно иметь с ними дело, – подхватил Пилон. – Я слышал, что тут в Тортилья-Флэт есть одна португальская девчонка, которая всегда готова сделать мужчине подарочек, если он потрудится получить его.

Пабло негодуяюще прищелкнул языком. Он развел руками.

– Что же делать? – сказал он. – Неужто никому нельзя доверять?

Они внимательно вглядывались в лицо Дэнни, но не заметили на нем никаких признаков тревоги.

– Зовут эту девушку Роза, – сказал Пилон. – А фамилию ее я называть не стану.

– Это ты о Розе Мартин? – заметил Дэнни без всякого интереса. – Чего же еще ждать от португалки?

Пабло и Пилон облегченно вздохнули.

– Как поживают куры миссис Моралес? – как бы между прочим спросил Пилон.

Дэнни печально покачал головой:

– Все до одной передохли. Миссис Моралес закупила бобы в банки, а банки разорвало, и она скормила эти бобы курам, а куры передохли все до единой.

– А где сейчас эти куры? – заинтересовался Пабло.

Дэнни отрицательно помахал указательным и средним пальцами.

– Кто-то сказал миссис Моралес, чтобы она не ела этих кур, а то заболеет, но мы хорошенько их выпотрошили и продали мяснику.

– Кто-нибудь умер? – осведомился Пабло.

– Нет. Наверное, этих кур можно было есть.

– А ты не купил на вырученные деньги немножко винца? – намекнул Пилон.

Дэнни насмешливо улыбнулся:

– Миссис Моралес купила вина, и я вчера вечером был у нее в гостях. Она все еще красивая женщина и вовсе не такая уж старая.

Пилон и Пабло вновь охватила тревога.

– Мой двоюродный брат Уили говорит, что ей стукнуло пятьдесят, – взволнованно сказал Пилон.

Дэнни отмахнулся.

– Какая важность, сколько ей лет? – заметил он философски. – Женщина она очень бойкая. Она живет в собственном доме, и у нее есть двести долларов в банке. – Тут Дэнни немного смутился и добавил: – Мне бы хотелось сделать по-

дарок миссис Моралес.

Пилон и Пабло устали на свои ноги, всеми силами души стремясь отвести надвигающееся. Но это им не удалось.

— Будь у меня деньги, — сказал Дэнни, — я купил бы ей коробку конфет. — Он выразительно посмотрел на своих жильцов, но они молчали. — Мне бы только доллар или два, — намекнул он.

— Чин Ки сушит каракатиц, — заметил Пилон. — Пойди к нему на полдня потрошить каракатиц.

— Хозяину двух домов неприлично потрошить каракатиц, — колко возразил Дэнни. — Вот если бы мне получить хоть часть квартирной платы...

Пилон в сердцах вскочил на ноги.

— Ты только и знаешь, что требовать квартирную плату! — крикнул он. — Ты готов вышвырнуть нас на улицу, в сточную канаву, а сам будешь нежиться в мягкой постели! Пошли, Пабло, — гневно закончил Пилон, — мы достанем денег для этого скряги, для этого кровопийцы.

И оба гордо удалились.

— А где мы достанем денег? — спросил Пабло.

— Не знаю, — ответил Пилон. — Может, он больше не будет заговаривать об этом.

Однако столь бесчеловечное требование глубоко их ранило.

— Встречаясь с ним, мы будем звать его «кровопийцей-ро-

стовщиком», — сказал Пилон. — Столько лет мы были его друзьями! Когда он голодал, мы кормили его, когда он мерз, мы одевали его.

— Когда же это было? — спросил Пабло.

— Не важно. Будь у нас то, в чем он нуждался бы, мы поделились бы с ним. Вот какими друзьями мы были для него. А теперь он растоптал нашу дружбу ради коробки конфет для жирной старухи.

— Есть конфеты вредно, — сказал Пабло.

Бурные переживания совсем измучили Пилон. Он опустился на край придорожной канавы, подпер рукой подбородок и погрузился в отчаяние.

Пабло сел рядом с ним, но только для того, чтобы отдохнуть, так как его дружба с Дэнни не была такой старинной и прекрасной, как дружба Пилон с Дэнни.

Дно канавы было скрыто кустами и сухим бурьяном. Пилон, склонивший голову под гнетом печали и негодования, увидел, что из-под одного кустика торчит чья-то рука, а возле руки увидел бутылку вина, наполовину полную. Он вцепился в локоть Пабло и указал вниз.

Пабло уставился на руку.

— А может, он помер, Пилон?

Пилон уже успел перевести дух, и к нему вернулась обычная ясность мыслей.

— Если он помер, то вино ему ни к чему. Бутылку же с ним не похоронят!

Рука зашевелилась, отодвинула ветки, и глазам друзей открылась чумазая физиономия и рыжая щетинистая борода Хесуса Марии Коркорана.

– Здорово, Пилон, здорово, Пабло, – ошалело сказал он. – Que tomas?⁹

Пилон спрыгнул к нему.

– Amigo Хесус Мария! Ты нездоров?

Хесус Мария кротко улыбнулся.

– Я просто пьян, – пробормотал он, приподнялся и встал на четвереньки. – Выпейте со мной, друзья. Пейте больше. Тут еще много осталось.

Пилон положил бутыль на согнутый локоть. Он сделал четыре глотка, и содержимое ее убавилось на пинту с лишком. Затем Пабло отобрал у него бутыль и стал играть с ней, как котенок с перышком. Он пополировал горлышко рукавом. Он понюхал вино. Он сделал три-четыре предварительных глотка и покатал капельку на языке, чтобы раздражить себя. Но вот он сказал: «Madre de Dios, que vino!»¹⁰ – поднял бутыль, и красное вино весело забулькало у него в глотке.

Пабло еще не перевел духа, когда Пилон уже протянул руку к бутылке. Он обратил на своего друга Хесуса Марию взгляд, полный нежности и восхищения.

– Ты нашел в лесу клад? – спросил он. – Какой-нибудь богач помер и назначил тебя своим наследником, дружочек

⁹ Что выпьете? (*исп.*)

¹⁰ Матерь Божья, что за вино! (*исп.*)

мой?

Хесус Мария был само человеколюбие, и в его сердце никогда не иссякала доброта. Он откашлялся и сплюнул.

– Дайте мне вина, – сказал он. – У меня пересохло в глотке. Я вам сейчас все расскажу.

Он пил неторопливо и мечтательно, как пьет человек, который уже столько выпил, что может больше не спешить и даже позволить себе расплескать чуточку вина, нисколько об этом не жалея.

– Две ночи тому назад, – сказал он, – я ночевал на берегу. На берегу недалеко от Сисайда. За ночь волны вынесли на берег лодку. Такую хорошую лодочку, и с веслами. Я сел в нее и погреб в Монтерей. За нее можно было бы выручить долларов двадцать, но покупателей не находилось, и я получил всего семь.

– У тебя еще остались деньги? – взволнованно перебил его Пилон.

– Я же рассказываю вам, как все было, – с достоинством ответил Хесус Мария. – Я купил два галлона вина и отнес их сюда в лес, а потом пошел погулять с Арабеллой Гросс. Я купил ей в Монтерее шелковые подштанники. Они ей понравились – они такие мягкие и розовые. И еще я купил для Арабеллы пинту виски, а потом мы встретили солдат, и она ушла с ними.

– Прикарманив деньги хорошего человека! – в ужасе вскричал Пилон.

– Нет, – задумчиво сказал Хесус Мария. – Ей все равно пора было уходить. А потом я пришел сюда и лег спать.

– Значит, у тебя больше не осталось денег?

– Не знаю, – сказал Хесус Мария. – Сейчас погляжу. – Он порылся в кармане и вытащил три смятые долларовые бумажки и десятицентовую монету. – Сегодня вечером, – сказал он, – я куплю Арабелле Гросс одну из штучек, которые носят как пояс, только выше.

– Маленькие шелковые кармашки на веревочке?

– Да, – ответил Хесус Мария. – Только они не такие уж маленькие, как ты думаешь.

Он откашлялся.

Пилон сразу исполнился нежной заботливости.

– Это все ночной воздух, – сказал он. – Спать под открытым небом вредно. Вот что, Пабло, мы отведем его к нам домой и вылечим его простуду. Грудная болезнь зашла уже далеко, но мы ее вылечим.

– О чем вы говорите? – спросил Хесус Мария. – Я здоров.

– Это тебе так кажется, – ответил Пилон. – Так казалось и Рудольфе Келлингу. А ты сам был на его похоронах месяц назад. Так казалось и Анхелине Васкес. А она померла на прошлой неделе.

Хесус Мария испугался.

– В чем же тут дело, как по-твоему?

– В том, что человек, когда спит, дышит ночным воздухом, – важно объяснил Пилон. – Твои легкие его не выдер-

жат.

Пабло обмотал бутылку большим сорняком, так хорошо ее укрыв, что любой прохожий проникся бы жгучим желанием узнать, какую тайну скрывает этот сорняк.

Пилон шел рядом с Хесусом Марией и порой нежно брал его под руку, чтобы он не забыл о своей болезни. Они отвели его в свой дом, уложили в постель и, хотя день был жарким, укрыли старым ватным одеялом. Пабло произнес трогательную речь о муках несчастных страдальцев, терзаемых туберкулезом. А затем медовым голосом заговорил Пилон. Он с благоговейным восторгом описывал, какое это счастье — жить в маленьком домике. Когда приходит ночь, когда иссякают дружеская беседа и вино, а за окном смертоносные туманы льнут к земле, как призраки чудовищных пиявок, тогда живущему в таком домике не нужно выходить на улицу и устраиваться на ночлег во вредной сырости оврага. Нет, он ложится в удобную, мягкую, теплую постель и спит, как малое дитя.

Тут Хесус Мария уснул. Пилону и Пабло пришлось разбудить его и дать ему выпить. Затем Пилон принялся трогательно описывать утро, когда человек лежит в своем теплом гнездышке, дожидаясь, чтобы солнце начало припекать как следует. Ему не приходится дрожать на рассвете и хлопать руками, чтобы как-то их согреть.

Наконец Пилон и Пабло мертвой хваткой вцепились в Хесуса Марию, как два эрдельтерьера, которые, безмолвно вы-

следив дичь, вцепляются в нее с двух сторон. Они сдали свой дом Хесусу Марии за пятнадцать долларов в месяц. Он с радостью согласился. Все трое пожали друг другу руки. Бутыль была извлечена из сорняка. Пилон основательно к ней приложился, так как знал, что самое трудное еще впереди. И вот пока Хесус Мария пил, он небрежно и вкрадчиво произнес:

– И мы возьмем с тебя всего три доллара задатка.

Хесус Мария поставил бутыль и в ужасе уставился на него.

– Нет, – возмущенно воскликнул он. – Я обещал Арабелле Гросс купить ей такую штучку. А за дом я заплачу, когда придет срок.

Пилон понял, что взял неверный тон.

– Когда ты лежал на берегу вблизи Сисайда, Бог пригнал к тебе эту лодочку. Что ж, по-твоему, милосердный Бог сделал это, чтобы ты мог покупать шелковые подштанники для девки с консервного завода? Нет! Бог послал тебе лодку, чтобы ты не умер от ночевки на холодной земле. Или, по-твоему, Бога заботит грудь Арабеллы Гросс? А кроме того, мы возьмем задаток только два доллара, – продолжал он. – За один доллар ты можешь купить такую штучку, что хоть корове будет впору.

Но Хесус Мария все еще не сдавался.

– Вот что, – сказал Пилон, – если мы не уплатим Дэнни два доллара, нас всех выгонят на улицу, а виноват будешь ты. Мы будем спать в канавах, и грех падет на твою душу.

Хесус Мария Коркоран не вынес стольких ударов со

стольких сторон. Он протянул Пилону две смятые бумажки.

И тогда настороженность и недоверие покинули комнату, а их место заняли покой, тишина и теплейшая дружба. Пилон облегченно вздохнул. Пабло отнес одеяло к себе на кровать, и завязалась беседа.

– Нам надо отнести эти деньги Дэнни.

Первая жажда была утолена, и теперь они попивали вино из банок.

– Почему Дэнни так нужны два доллара? – спросил Хесус Мария.

И Пилон излил ему свою душу. Его руки запорхали, как две ночные бабочки, и только запястья и плечи мешали им вылететь за дверь.

– Наш друг Дэнни ухаживает за миссис Моралес. Нет, не сочти его дураком. У миссис Моралес есть в банке двести долларов. Денни хочет купить коробку конфет для миссис Моралес.

– Конфеты есть вредно, – заметил Пабло. – От них болят зубы.

– Это уж Дэнни решать, – сказал Хесус Мария. – Если он хочет, чтобы у миссис Моралес болели зубы, это его дело. А нам-то что до зубов миссис Моралес.

Лицо Пилона омрачилось тревогой.

– Однако, – строго перебил он, – если наш друг Дэнни подарит миссис Моралес много конфет, он их тоже будет есть. И значит, болеть будут зубы нашего друга.

Пабло огорченно покачал головой:

– Куда это годится, если друзья Дэнни, которым он верит, доведут его до зубной боли?

– Так что же нам делать? – спросил Хесус Мария, хотя и он сам, и остальные двое прекрасно знали, что именно они сделают. Каждый вежливо предоставлял соседу произнести неизбежные слова. Молчание затягивалось. Пилон и Пабло чувствовали, что предложение не должно исходить от них, поскольку в некоторых отношениях их можно было считать заинтересованными сторонами. Хесус Мария молчал потому, что был гостем, но когда молчание его хозяев подсказало ему, чего от него ждут, он мужественно сделал первый шаг.

– Галлон вина – вот прекрасный подарок для дамы, – произнес он задумчиво.

Пилон и Пабло были поражены его находчивостью.

– Мы скажем Дэнни, что для его зубов будет полезнее, если он купит вина.

– А вдруг Дэнни нас не послушает? Когда даешь Дэнни деньги, никогда не знаешь, что он на них купит. Вдруг он все-таки купит конфет, и тогда все наши хлопоты и волнения пропадут зря?

Они превратили Хесуса Марию в своего суфлера, в спасителя положения.

– Может, если мы сами купим вино и отдадим его Дэнни, это будет безопаснее? – предложил он.

– Вот именно! – вскричал Пилон. – Ты хорошо придумал.

Хесус Мария лишь скромно улыбнулся, услышав, что ему приписывают честь этой выдумки. Он прекрасно понимал, что идея носилась в воздухе и рано или поздно кто-нибудь ее обязательно высказал бы.

Пабло разлил остатки вина по банкам, и они выпили его, отдыхая после таких усилий. Они гордились тем, что спасительная мысль была развита столь логично и послужила столь человеколюбивой цели.

– Мне что-то есть хочется, – сказал Пабло.

Пилон встал, подошел к двери и поглядел на солнце.

– Полдень уже миновал, – сказал он. – Мы с Пабло пойдем к Торрелли за вином, а ты, Хесус Мария, иди в Монтерей и раздобудь еды. Может, миссис Бруно на пристани даст тебе рыбы. Может, ты где-нибудь достанешь хлеба.

– Я лучше пойду с вами, – сказал Хесус Мария, ибо он подозревал, что в головах его друзей столь же логично и столь же неизбежно уже зреет новая мысль.

– Нет, Хесус Мария, – сказали они твердо. – Сейчас два часа или около того. Через час будет три. Мы тогда встретимся с тобой здесь и перекусим. И может, запьем еду стаканчиком вина.

Хесус Мария с неохотой побрел в Монтерей, а Пилон и Пабло весело зашагали вниз по склону холма к заведению Торрелли.

Глава V

О том, как святой Франциск изменил ход событий и с отеческой мягкостью наказал Пилону, Пабло и Хесуса Марию

Вечер приближался так же незаметно, как приближается старость к счастливому человеку. К солнечному сиянию добавилось немножко больше золота. Залив стал чуть синей, и по нему побежали морщинки от берегового ветра. Одинокие удильщики, которые верят в то, что рыба клюет только во время прилива, покинули свои скалы, и их места заняли те, кто убежден, что рыба клюет только во время отлива.

В три часа ветер переменился и легонько подул с моря, принося с собой бодрящие запахи всевозможных водорослей. Чинильщики сетей на пустырях Монтерея отложили свои иглы и свернули сигареты. Жирные дамы с глазами скучающими и мудрыми, как глаза свиней, ехали по улицам города в пыхтящих автомобилях к отелю «Дель Монте», где их ждали чай и джин с содовой. На улице Альварадо Гуго Маchado, портной, повесил на дверь своей мастерской записку: «Буду через пять минут» – и ушел домой, чтобы больше в этот день не возвращаться. Сосны покачивались медлительно и томно. Куры в сотнях курятников безмятежными головами жаловались на свою тяжкую судьбу.

Пилон и Пабло сидели под кустом кастильской розы во

дворе Торрелли и, не замечая времени, тихонько потягивали вино, а вечерние тени вокруг росли так же незаметно, как растут волосы.

— И очень хорошо, что мы не отнесли Дэнни двух галлонов вина, — сказал Пилон. — Он из тех, кто не знает меры, когда пьет.

Пабло согласился.

— Дэнни на вид здоров, — сказал он, — но ведь каждый день только и слышишь, как такие люди умирают. Возьми хоть Рудольфе Келлинга. Возьми хоть Анхелину Васкес.

Педантизм его собеседника мягко дал о себе знать.

— Рудольфе свалился в каменоломню за Пасифик-Гроув, — с легким упреком поправил Пилон приятеля. — Анхелина съела испорченные рыбные консервы. Но, — закончил он ласково, — я понимаю, что ты хотел сказать. Очень многие умирают от злоупотребления вином.

Весь Монтерей постепенно и бессознательно начинал готовиться к ночи. Миссис Гутьерес крошила красный перец для соуса. Руперт Хоган, виноторговец, разбавил джин водой и припрятал его, чтобы продавать после полуночи. И подсыпал перца в вечернее виски. В дансинге «Эль Пасео» Бомба Розендейл открыла коробку соленого печенья и разложила его по большим блюдам, словно грубые коричневые кружева. В аптеке «Палас» убрали маркизы. Кучка мужчин, которые простояли весь день перед почтовой конторой, здорова-

ясь с друзьями, отправилась на станцию встречать экспресс «Дель Монте» из Сан-Франциско. Пресыщенные чайки поднимались с пляжа у рыбоконсервных заводов и улетали на рифы. Стаи пеликанов, тяжело взмахивая крыльями, тянулись туда, где они ночуют. Итальянские рыбаки на сейнерах складывали свои невода. Маленькая мисс Альма Альварес, которой давно уже исполнилось девяносто лет, отнесла ежедневный букет розовой герани Пресвятой Деве над папертью церкви Сан-Карлос. В соседней методистской деревушке Пасифик-Гроув члены Женского Христианского Союза Трезвости, собравшиеся на чаепитие и беседу, слушали миниатюрную даму, которая с большим жаром живописала порок и проституцию, процветающие в Монтерее. Она рекомендовала, чтобы специальная комиссия посетила тамошние приюты и на месте ознакомилась с ужасающим положением вещей. Они уже много раз все это обсуждали, и им необходимы свежие факты.

Солнце склонилось к западу и обрело оранжевый румянец. Под кустом кастильской розы во дворе Торрелли Пабло и Пилон допили первый галлон вина. Торрелли вышел из дому и прошел через двор, не заметив своих недавних клиентов. Они подождали, пока он не скрылся из виду на улице, ведущей в Монтерей; тогда Пабло и Пилон вошли в дом и, рассчитанно пустив в ход свое искусство, добились того, что миссис Торрелли угостила их ужином. Они хлопали ее по задку, называли ее «уточкой», позволили себе несколько лю-

безных вольностей по отношению к ее особе и в конце концов удалились, оставив ее весьма польщенной и слегка расстрепанной.

К этому времени Монтерей окутали сумерки и уже зажглись фонари. Мягко светились окна. Монтерейский театр принялся выписывать огненными буквами «Дети ада, Дети ада». Маленькая, но фанатическая кучка тех, кто верит, что рыба клюет только вечером, в свою очередь, расположилась на остывших скалах. По улицам пополз легкий туман, завиваясь у печных труб, и в воздухе разлился приятный запах горящих сосновых дров.

Пабло и Пилон вернулись к своему розовому кусту и сели на землю, но им уже не было так уютно, как прежде.

– Тут холодно, – заметил Пилон и отхлебнул из бутылки, чтобы согреться.

– Пойдем лучше домой, там тепло, – сказал Пабло.

– Но у нас нет дров.

– Ладно, – сказал Пабло, – неси вино, встретимся на углу. (И он действительно пришел туда через полчаса.)

Пилон терпеливо ждал, зная, что есть положения, когда даже помощь друга бесполезна. И, ожидая, Пилон бдительно вглядывался в тот конец улицы, где исчез Торрелли, так как Торрелли был человеком буйным и любые объяснения, даже самые логичные, даже необыкновенно красноречивые, не произвели бы на него ни малейшего впечатления. Кроме того, Пилон знал, что Торрелли придерживается по-итальян-

ски нетерпимых и чисто донкихотских взглядов на супружеские отношения. Но Пилон беспокоился напрасно. Торрелли, пылая яростью, не ворвался в свой дом. Через некоторое время явился Пабло, и Пилон с восхищением и одобрением заметил, что он несет охапку сосновых дров из поленицы Торрелли.

Пабло ни словом не обмолвился о своем приключении, пока они не добрались до дома. А тогда он сказал, как недавно Дэнни:

– Бойкая женщина эта уточка.

Пилон в темноте кивнул и сказал философски:

– Редко можно найти на одном рынке все, в чем нуждается человек, – вино, еду, любовь и дрова. Не надо забывать Торрелли, Пабло, друг мой. С таким человеком стоит водить знакомство. Давай подарим ему что-нибудь.

Пилон подбрасывал поленья в печку, пока пламя в ней не заревело. Тогда оба друга придвинули стулья поближе и поднесли банки из-под варенья к самой дверце, чтобы согреть вино. В этот вечер комнату освещал священный огонек, так как Пабло купил свечу, чтобы поставить ее святому Франциску. Но что-то отвлекло его от осуществления этого благочестивого намерения. И теперь тоненькая восковая свечка горела ясным пламенем в устричной раковине, отбрасывала тени Пабло и Пилона на стену и заставляла их танцевать.

– Куда это запропастился Хесус Мария? – заметил Пилон.

– Он обещал вернуться давным-давно, – ответил Пабло. –

Просто не знаешь, можно ли доверять такому человеку или нет.

– А вдруг его что-нибудь задержало, Пабло? Из-за рыжей бороды и доброго сердца у Хесуса Марии вечно случаются неприятности с дамами.

– У него мозги, как у кузнечика, – сказал Пабло. – Только и знает, что петь, играть да прыгать. Несерьезный он человек.

Ждать им пришлось недолго. Не успели они во второй раз наполнить банки из-под варенья, как в комнату, шатаясь, ввалился Хесус Мария. Он уцепился за оба косяка, чтобы не упасть. Рубаха его была разорвана, лицо залито кровью. Танцующее пламя свечи озаряло зловещий синяк под глазом.

Пабло и Пилон бросились к нему.

– Наш друг! Он ранен. Он упал с обрыва. Его переехал поезд!

В их тоне не было и тени насмешки, но Хесус Мария счел эти слова самой язвительной насмешкой. Он свирепо сверкнул на Пилон и Пабло тем глазом, который был еще на это способен.

– Обе твои матери – яловые коровы, – сказал он.

Они отступили, ужаснувшись вульгарности этого ругательства.

– Наш друг бредит.

– Ему проломили череп.

– Налей ему вина, Пабло.

Хесус Мария угрюмо уселся у печки, поглаживая свою банку из-под варенья, а его друзья терпеливо ждали рассказа о трагическом происшествии. Но Хесус Мария, казалось, не собирался ничего им говорить. Пилон несколько раз откашливался, Пабло глядел на Хесуса Марию взглядом, готовым немедленно выразить живейшее сочувствие, но Хесус Мария только хмурился и свирепо поглядывал то на печку, то на вино, то на святую свечу, и в конце концов его невежливая сдержанность толкнула Пилона на столь же большую невежливость. Потом он сам не понимал, как мог настолько забыть.

– Опять эти солдаты? – спросил он.

– Да, – проворчал Хесус Мария. – На этот раз они явились слишком рано.

– Наверное, их было не меньше двадцати, раз они тебя так отделали, – заметил Пабло, чтобы подбодрить друга. – Кто же не знает, что в драке ты – лев?

И действительно, после его слов Хесус Мария чуть-чуть повеселел.

– Их было четверо, – сказал он. – И Арабелла Гросс им тоже помогала. Она стукнула меня камнем по голове.

Пилона охватило добродетельное негодование.

– Не стану напоминать тебе, – сказал он строго, – что твои друзья просили тебя не связываться с этой девкой-консервницей. (Он не был вполне уверен, предостерегал ли он Хесуса Марию, но ему помнилось, что предостерегал.)

– От этих дешевых белых девчонок добра не жди, – вмешался Пабло. – А ты отдал ей эту штучку, которую носят как пояс?

Хесус Мария порылся у себя в кармане и вытащил оттуда розовый вязкозый бюстгалтер.

– Не успел, – сказал он. – Я как раз хотел это сделать, а кроме того, мы еще не добрались до леса.

Пилон понюхал воздух и покачал головой, но не без от-тенка грустной снисходительности:

– Ты пил виски.

Хесус Мария кивнул.

– Чье это было виски?

– Этих солдат, – ответил Хесус Мария. – Они спрятали его под мостиком. Арабелла об этом знала и сказала мне. Но солдаты увидели у нас бутылку.

Контуры случившегося постепенно прояснялись. Пилон предпочитал именно такой способ повествования. Выложить все сразу – значит безнадежно испортить рассказ. Его прелесть слагается из недосказанного, когда слушатель должен восполнять пробелы, исходя из собственного опыта. Пилон взял розовый лифчик с колен Хесуса Марии, провел по нему пальцами, и глаза его стали задумчивыми. Но через мгновение в них вспыхнула радость.

– Знаю! – воскликнул он. – Мы отдадим эту штучку Дэнни для подарка миссис Моралес.

Все, кроме Хесуса Марии, горячо приветствовали этот

план, и он почувствовал, что остался в жалком меньшинстве. Пабло тактично наполнил банку Хесуса Марии, хорошо понимая, каково это – потерпеть поражение.

Но прошло немного времени, и все трое начали улыбаться. Пилон рассказал очень смешную историю, случившуюся с его отцом. К обществу вернулось хорошее настроение. Они запели. Хесус Мария отбил чечетку, чтобы доказать, что его рана – пустяк. Вина в бутылки становилось все меньше и меньше, однако оно еще не иссякло, когда троих друзей сморил сон. Пабло и Пилон, пошатываясь, добрались до своих постелей, а Хесус Мария удобно устроился на полу возле печки.

Дрова в печке догорели. Дом наполнился басовой мелодией сна. В большой комнате все застыло в неподвижности. Только святая свеча с удивительной быстротой то вскидывала, то опускала острый язычок пламени.

Позже эта свеча заставила Пилона, и Пабло, и Хесуса Марию задуматься над кое-какими этическими вопросами. Простая восковая палочка с бечевкой внутри ее. Подобный предмет, скажете вы, подвластен определенным физическим законам, и только им. Вы думаете, что его поведение обуславливается конкретными факторами, именуемыми теплотой и горением. Вы зажигаете фитиль, воск плавится и подымается по фитилю; свеча горит какое-то количество часов, затем гаснет – и все. Эпизод закончен. Вскоре свеча уже забыта и, следовательно, никогда не существовала.

Но разве вы забыли, что свеча была святой? Что в минуту угрызений совести, а может быть, чисто молитвенного экстаза Пабло обещал ее святому Франциску? И вот этот фактор помещает восковую палочку вне пределов юрисдикции физических законов.

Свеча прицелилась острием пламени в небеса, словно художник, который сжигает себя, чтобы обрести бессмертие. Свеча становилась все короче и короче. Она искривилась. Ветер поднялся на улице и пробрался сквозь щели в стенах. Шелковый календарь, украшенный личиком прелестной девушки, выглядывающей из лепестков розы «Американская красавица», плавно качнулся на стене. Он задел огненное острие. Пламя лизнуло шелк и взбежало к потолку. Вспыхнул отставший кусок обоев и, пылая, упал на пачку старых газет.

С неба на происходившее сурово и неумолимо глядели святые и мученики. Свечка была обещана. Она принадлежала святому Франциску. Вместо нее святой Франциск получит в эту ночь свечу побольше.

Умей мы измерять глубину сна, можно было бы утверждать, что Пабло, чье кошунственное деяние послужило причиной пожара, спал еще более крепко, чем оба его друга. Но раз мы этого не умеем, остается только сказать, что спал он очень, очень крепко.

Языки пламени побежали по стенам, нашли дыры в крыше и просочились сквозь них в ночь. Дом наполнился ревом ог-

ня. Хесус Мария заворочался и, не просыпаясь, начал стягивать с себя куртку. Но тут ему на лицо упала горящая дранка. Он с воплем вскочил и потрясенно уставился на огонь, бушевавший вокруг.

– Пилон! – завопил он. – Пабло!

Он бросился в соседнюю комнату, вытащил своих друзей из постелей и вытолкал их за дверь. Пилон все еще сжимал в кулаке розовый бюстгальтер.

Они стояли перед горящим домом и смотрели в занавешенную огнем дверь. Им был виден стол, а на нем – бутыль, в которой еще оставалось добрых два дюйма вина.

Пилон почувствовал, что в Хесусе Марии поднимается волна яростного героизма.

– Не делай этого! – крикнул он. – Пусть оно гибнет в огне, в наказание нам за то, что мы его оставили там.

До них донесся вой сирен и рев монтерейских пожарных машин, на второй передаче взбирающихся по холму. Большие красные фургоны все приближались, и лучи их прожекторов уже заметались среди сосен.

Пилон поспешно повернулся к Хесусу Марии:

– Беги и скажи Дэнни, что его дом горит. Беги быстрее, Хесус Мария.

– А почему ты сам не бежишь?

– Слушай, – сказал Пилон, – Дэнни не знает, что его дом снимаешь ты. А на Пабло и меня он может рассердиться.

Хесус Мария признал логичность этого довода и опроте-

тью кинулся к дому Дэнни. В доме было темно.

– Дэнни! – крикнул Хесус Мария. – Дэнни! Твой дом горит!

Ответа не было.

– Дэнни! – крикнул он снова.

В соседнем доме, в доме миссис Моралес, открылось окно, и Дэнни сказал раздраженно:

– Какого черта тебе тут надо?

– Твой другой дом горит! Тот, в котором живут Пабло и Пилон.

Дэнни немного помолчал, а потом спросил:

– Пожарные там?

– Да! – крикнул Хесус Мария.

К этому времени зарево разлилось по всему небу. До них донесся треск горящих бревен.

– Ну, – сказал Дэнни, – если пожарные ничего не могут поделать, так чего Пилон хочет от меня?

Хесус Мария услышал, как окно захлопнулось, и, повернувшись, побежал назад. Он понимал, что явился не вовремя, но ведь заранее не угадаешь. Если бы Дэнни пропустил пожар, он мог бы рассердиться. Во всяком случае, Хесус Мария был рад, что предупредил его. Теперь вся ответственность ложилась на миссис Моралес.

Домик был маленький, тяга хорошая, а стены сухие. Пожалуй, с тех пор как выгорел старый китайский квартал, в Монтерее не случалось такого быстрого и исчерпывающе-

го пожара. Пожарные бросили взгляд на пылающие стены и принялись поливать траву, деревья и соседние дома. Не прошло и часа, как от дома ничего не осталось. И только тогда шланги были повернуты на кучу золы, чтобы загасить угли и раскаленный пепел.

Пилон, и Пабло, и Хесус Мария стояли плечом к плечу и смотрели. Половина жителей Монтерея и все обитатели Тортилья-Флэт, за исключением Дэнни и миссис Моралес, толпились вокруг, с большим удовольствием созерцая пожар. Наконец, когда все было кончено и над черной кучей поднялось облако пара, Пилон молча повернулся и зашагал прочь.

– Куда ты идешь? – окликнул его Пабло.

– Я иду, – сказал Пилон, – в лес, чтобы выспаться. Советую и вам сделать то же. Нам лучше пока не попадаться на глаза Дэнни.

Они задумчиво кивнули и последовали за ним в сосновый лес.

– Это урок для нас, – сказал Пилон. – Никогда не следует оставлять вино в доме на ночь.

– В следующий раз, – с унылой безнадежностью сказал Пабло, – ты оставишь его снаружи, и кто-нибудь его украдет.

Глава VI

О том, как трое грешников, раскаявшись, обрели душевный мир. О том, как друзья Дэнни поклялись в вечной дружбе

Когда солнце поднялось над соснами и земля согрелась, а ночная роса уже высыхала на листьях герани, Дэнни вышел на крыльцо, чтобы посидеть на солнышке и поразмыслить о некоторых событиях. Он сбросил башмаки и зашевелил пальцами босых ног, грея их на солнце. На рассвете он уже сходил посмотреть на черную кучу золы, из которой торчали остатки водопроводных труб, – еще недавно все это было его вторым домом. Он уже вознегодовал, как положено, на своих небрежных друзей, уже оплакал ту недолговечность земных сокровищ, которая делает столь ценными сокровища духа. Он уже всесторонне обдумал гибель своего статуса домовладельца, сдающего второй дом в аренду, и теперь, испытав и забыв этот клубок неизбежных и приличествующих случаю эмоций, предался, наконец, единственно подлинной из них – чувству глубокого облегчения, что хотя бы половина этого бремени свалилась с его плеч.

«Если бы он уцелел, я бы алчно требовал платы за него, – думал Дэнни. – Мои друзья охладели ко мне, потому что они стали моими должниками. Теперь мы опять будем свободны и счастливы».

Но Дэнни знал, что он должен устроить нагоняй своим друзьям, чтобы они не сочли его рохлей. И вот, сидя на крыльце и отгоняя мух движением руки, которое скорее предостерегало их, нежели грозило им гибелью, он обдумывал, что он скажет своим друзьям, прежде чем вновь откроет для них кораль былой дружбы. Он должен показать им, что он – не тот человек, чьим долготерпением можно злоупотреблять. Но он жаждал поскорее покончить со всем этим и вновь стать тем Дэнни, которого все любили, тем Дэнни, к которому спешили люди, раздобывшие бутылку вина или кусок мяса. Ведь пока он был владельцем двух домов, его считали богачом, и поэтому он лишился многих радостей.

Пилон, и Пабло, и Хесус Мария Коркоран спали крепким сном на сосновых иглах в лесу. Ночь была исполнена бурных волнений, и они устали. Но солнце наконец начало припекать их лица с полуденным пылом, муравьи гуляли по ним взад и вперед, а две голубые сойки, опустившись на землю возле них, обзывали их всеми бранными кличками, какие только знали.

Однако окончательно разбудила их компания, устроившая пикник рядом с кустом, где они лежали: из открытой корзины с завтраком поднялись упоительные запахи и достигли ноздрей Пилона, и Пабло, и Хесуса Марии. Они проснулись; они сели; и тут они вспомнили, в каком страшном положении они очутились.

– Как начался пожар? – жалобно спросил Пабло, но никто

этого не знал.

– Может, – сказал Хесус Мария, – нам пока лучше перебраться в другой город – в Уотсонвилл или в Салинас? Это хорошие города.

Пилон вытащил из кармана бюстгальтер и провел пальцем по глянцевиному розовому шелку. А потом поднял его и посмотрел сквозь него на солнце.

– Это только затянет дело, – заявил он решительно. – По моему, будет лучше всего, если мы пойдем к Дэнни, как малые дети к отцу, и признаемся в своей вине. И тогда он уже не сможет сказать ничего такого, о чем потом не пожалел бы. А кроме того, разве у нас нет этого подарка для миссис Моралес?

Его друзья кивнули в знак согласия. Взгляд Пилона пробился сквозь густые кусты туда, где сидели участники пикника, а главное, стояла внушительная корзина с завтраком, из которой исходил манящий аромат фаршированных яиц. Нос Пилона слегка задергался, как нос кролика. Он мечтательно улыбнулся.

– Я пойду прогуляюсь, друзья мои. И буду ждать вас у каменоломни. Если возможно, корзины не приносите.

Они грустно смотрели, как Пилон встал и исчез за деревьями точно под прямым углом по отношению к пикнику и корзине. Пабло и Хесус Мария несколько не удивились, когда две-три секунды спустя до них донесся собачий лай, петушиный крик, ворчание дикой кошки, короткий вопль и

мольба о помощи; однако участники пикника были поражены и заинтригованы. Две парочки покинули свою корзину и побежали в ту сторону, откуда исходили эти прихотливые звуки.

Пабло и Хесус Мария последовали наставлениям Пилона. Они не взяли корзины, но с тех пор их шляпы и рубахи хранили неизгладимые следы фаршированных яиц.

Часов около трех к дому Дэнни медленно брели трое кающихся грешников. Они несли искупительные дары: апельсины, яблоки и бананы, банки с оливками и маринованными огурцами, сэндвичи с ветчиной и яйцами, бутылки с содовой водой, кулек картофельного салата и номер «Сатердейвнинг пост».

Дэнни заметил их приближение, встал и попытался вспомнить все, что должен был им сказать. Они выстроились перед ним в ряд, понутив головы.

«Собачьими собаками» назвал их Дэнни, и «ворами второго дома приличного человека», и «отродьем каракатицы». Он именовал их матерей коровами, а их отцов старыми баранами.

Пилон открыл пакет, который держал в руке, и показал сэндвичи с ветчиной. А Дэнни сказал, что он больше не верит в друзей, что дружба его попорана и сердце его оледенело. Тут память начала ему изменять, так как Пабло достал из-за пазухи два фаршированных яйца. Однако Дэнни все же добрался до поколения их дедов и подверг бичующей критике

добродетель его женщин и мужественность его мужчин.

Пилон вынул из кармана розовый бюстгальтер и равнодушно поболтал им в воздухе.

Тут Дэнни начисто все забыл. Он сел на крыльцо, его друзья сели рядом, и один за другим были развернуты все пакеты. Они наелись так, что им стало не по себе. И только через час, когда они лениво откинулись, бездумно предаваясь пищеварению, Дэнни спросил между прочим, словно о давно минувшем событии:

– А как начался пожар?

– Мы не знаем, – объяснил Пилон. – Мы заснули, и тут он начался. Может, у нас есть враги?

– Может, – сказал Пабло благочестиво, – может, к этому приложил руку Бог?

– Кто знает, почему милосердный Бог поступает так, а не иначе? – добавил Хесус Мария.

Когда Пилон вручил Дэнни бюстгальтер и объяснил, что это подарок для миссис Моралес, Дэнни не изъясил особого восторга. Он бросил на бюстгальтер скептический взгляд. Его друзья сильно польстили миссис Моралес, решил он.

– Женщинам вроде нее опасно делать подарки, – сказал он наконец. – Слишком часто шелковые чулки, которые мы дарим женщинам, связывают нас по рукам и ногам.

Не мог же он объяснить своим друзьям, что с тех пор, как он стал владельцем только одного дома, между ним и миссис Моралес наступило заметное охлаждение; и точно так же

галантность по отношению к миссис Моралес не позволяла ему описать, как приятно ему это охлаждение.

– Я спрячу эту штучку, – сказал он. – Может, она когда-нибудь кому-нибудь пригодится.

Когда наступил вечер и стемнело, они вошли в дом и развели огонь из шишек в железной печке. Дэнни в знак того, что все прощено и забыто, вытащил кварту граппы и поделился ее пламенем со своими друзьями.

Их жизнь мирно входила в новую колею.

– А жаль, что все куры миссис Моралес передохли, – заметил Пилон.

Но казалось, что и это не будет помехой их счастью.

– Она собирается в понедельник купить две дюжины новых, – сообщил Дэнни.

Пилон удовлетворенно улыбнулся.

– От кур миссис Сото не было никакого толку, – сказал он. – Я говорил миссис Сото, что им надо давать толченые ракушки, но она не послушалась.

Они распили кварту граппы, и ее оказалось как раз достаточно для того, чтобы дружба стала еще сладостнее.

– Хорошо иметь друзей, – сказал Дэнни. – Как грустно и одиноко человеку без друзей, с которыми можно посидеть и поделиться своей квартирой граппы.

– Или своими сэндвичами, – быстро добавил Пилон.

Пабло еще немного грызла совесть, ибо он подозревал, почему именно заблагорассудилось небесам спалить их дом.

– В мире найдется мало друзей, равных тебе, Дэнни. Не многим даровано утешение иметь такого друга.

Но прежде чем волны дружбы окончательно сомкнулись над головой Дэнни, он успел произнести одно предупреждение.

– Держитесь подальше от моей кровати, – приказал он. – Спать на ней буду только я.

Хотя об этом не было сказано ни слова, все четверо знали, что теперь они будут жить в доме Дэнни.

Пилон блаженно вздохнул. Незачем больше тревожиться из-за квартирной платы, незачем больше мучиться из-за долгов. Теперь он был уже не жильцом, а гостем. И мысленно он возблагодарил Господа за сожжение второго дома.

– Мы все будем здесь счастливы, Дэнни, – сказал он. – Вечерами мы будем сидеть у огня, и наши друзья будут навещать нас. И порой, быть может, у нас найдется стаканчик винца, чтобы выпить за дружбу.

И тут Хесус Мария, изнемогая от признательности, произнес опрометчивое обещание. Виновата в этом была граппа, и ночь пожара, и фаршированные яйца. Он чувствовал, что получил великие дары, и хотел принести свой дар.

– Нашим долгом и нашей обязанностью будет следить, чтобы в доме всегда была еда для Дэнни, – возвестил он. – Никогда больше наш друг не будет голодать.

Пилон и Пабло привскочили в тревоге, но слова были произнесены – прекрасные, великодушные слова. Ни один чело-

век не мог бы безнаказанно взять их назад. Сам Хесус Мария понял весь размах подобного обещания, лишь когда произнес его. Им оставалось только надеяться, что Дэнни про него забудет.

«Ибо, — размышлял Пилон, — выполнение такого обета будет похуже квартирной платы. Это будет рабство».

— Мы клянемся в этом, Дэнни! — сказал он.

Они сидели у печурки, и на глаза их навернулись слезы, а их любовь друг к другу становилась почти невыносимой.

Пабло отер увлажнившиеся глаза тыльной стороной ладони и повторил слова, недавно сказанные Пилоном:

— Мы будем здесь очень счастливы.

Глава VII

О том, как друзья Дэнни стали творить добро. О том, как они пришли на помощь бедняге Пирату

Многие люди каждый день видели Пирата, и некоторые смеялись над ним, а некоторые жалели его, но никто не был с ним близко знаком и никто не вмешивался в его жизнь. Это был тяжеловесный великан с огромной черной и густой бородой. Он ходил в бумазейных штанах и синей рубашке, а шляпы у него не было совсем. По городу он ходил в башмаках. Когда Пират сталкивался со взрослыми людьми, в глазах его появлялся испуг – тайный страх лесного зверя, который с радостью убежал бы, если бы осмелился повернуться к врагу спиной. И поэтому все пайсано Монтерея знали, что разум его так и остался детским. Пиратом его прозвали из-за бороды. Каждый день можно было видеть, как он катит по улицам города тачку, груженную сосновыми поленьями, – он возил ее по улицам, пока не продавал свой груз. И всегда по пятам за ним стаей шли пять его собак.

Энрике сложением напоминал гончую, но обладал пушистым хвостом. Пахарито был коричневой масти и кудлат – больше ничего рассмотреть не удавалось. О Рудольфе прохожие говорили: «Вот американская собака». Пушок был мопсом, а Сеньор Алек Томпсон смахивал на эрделя. Они шли взводом позади Пирата, изъясняя ему всяческое почтение и

стараясь сделать его как можно счастливее. Когда он, устав катить тачку, садился отдохнуть, они все пытались забраться к нему на колени, чтобы им почесали за ухом.

Некоторые видели Пирата рано утром на улице Альварадо, некоторые видели, как он рубит дрова, некоторые знали, что он продает растопку, но никто, кроме Пилона, не знал всего, что делал Пират. Пилон же знал всех и все о каждом.

Пират жил в Тортилья-Флэт, в пустом курятнике во дворе заброшенного дома. Поселиться в самом доме он считал бы непозволительной дерзостью. Собаки жили вокруг него и на нем, и Пирату это нравилось, потому что в самую холодную ночь ему было от них тепло. Когда у него замерзали ноги, ему достаточно было прижать их к теплему брюху Сеньора Алека Томпсона. Курятник был таким низким, что Пирату приходилось влезать в него на четвереньках.

Каждое утро задолго до рассвета Пират выползал из своего курятника, а за ним появлялись его собаки, встряхиваясь и чихая от холодного воздуха. Затем вся компания спускалась в Монтерей и начинала обрабатывать некий тупик. В этот тупик выходили задние двери нескольких ресторанов. Пират по очереди открывал каждую и оказывался в теплой ресторанной кухне, благоухающей запахами съестного. И в каждой кухне повар, ворча, совал ему в руку пакет с остатками вчерашних блюд. И ни один из них не знал, почему, собственно, он это делает.

Когда Пират заканчивал свой обход и набирал полную

охапку пакетов, он возвращался вверх по склону холма на улицу Манро и располагался на пустыре, а собаки в волнении сновали вокруг него. Тут он развертывал пакеты и начинал кормить собак. Себе он из каждого пакета брал кусок хлеба или мяса, но не выбирал самое лучшее. Собаки рассаживались вокруг, нервно облизывались и перебирали передними лапами в ожидании кормежки. Но они никогда не дрались из-за пищи, и это было поистине удивительно. Вообще собаки Пирата никогда не дрались друг с другом, но они кидались в бой с любым четвероногим обитателем улиц Монтерея. Приятно было смотреть, как эта свора гоняется за фокстерьерами и шпицами, словно за кроликами.

К тому времени, когда трапеза заканчивалась, уже совсем рассветало. Пират сидел на земле и смотрел, как по небу разливается утренняя синева. Внизу он видел выходящие в море шхуны с палубным грузом леса. Он слышал мелодичный звон колокола на буге за Чайна-пойнт. Собаки сидели вокруг него и грызли кости. Пират, казалось, не столько видел, сколько слушал день – глаза его оставались неподвижными, но в нем чувствовалась какая-то сосредоточенность. Его ручки тянулись к собакам, и пальцы принимались ласково перебирать грубый мех. Просидев так с полчаса, Пират шел в угол пустыря, сбрасывал дерюгу, укрывавшую тачку, и выкапывал из земли топор, который закапывал тут каждый вечер. Затем, толкая перед собой тачку, он поднимался на вершину холма и бродил по лесу, отыскивая сухое смолистое

дерево. К полудню он уже доверху нагружал тачку превосходной растопкой и тогда спускался со своей собачьей свитой в город и кружил по улицам до тех пор, пока не продавал свой груз за двадцать пять центов.

Проследить все это было нетрудно, но никто не знал, что он делает с вырученными деньгами. Он никогда их ни на что не тратил. Ночью он под охраной своих собак отправлялся в лес и прятал очередной двадцатипятицентовик там, где уже лежали сотни других таких же монет. Где-то у него был тайник с целой кучей денег.

Пилон, этот проницательнейший человек, от которого не ускользала ни одна подробность жизни его ближних и который особенно любил раскрывать тайны, кроющиеся в самых глубинах сознания его знакомых, обнаружил клад Пирата с помощью логических выкладок. Пилон рассуждал так: «Каждый день этот Пират получает четверть доллара. Если ему дают две монеты по десять центов и одну в пять, он заходит в лавку и обменивает их на двадцатипятицентовую. Он никогда не тратит денег. Следовательно, он их прячет».

Пилон попробовал вычислить сумму клада. Пират вел такую жизнь уже давно. Шесть дней в неделю он рубил дрова, а по воскресеньям ходил в церковь. Одежду он получал у черного хода жилых домов, пищу – у задних дверей ресторанов. Пилон некоторое время путался во внушительных цифрах, но потом сдался. «У Пирата, во всяком случае, не меньше ста долларов», – решил он.

Пилон уже много месяцев размышлял над всем этим. Но только после того, как они дали восторженное и глупое обещание кормить Дэнни, Пилон узрел возможность извлечь личную выгоду из богатства Пирата.

Прежде чем вплотную коснуться этого вопроса, Пилон долго обрабатывал и усыплял свою совесть. Ему было очень жаль Пирата. «Бедный дурачок, – говорил он себе. – Бог не дал ему всех положенных мозгов. Бедняжка Пират не может сам о себе позаботиться. Вспомни, он живет в грязи, в старом курятнике. Он питается объедками, которые годятся только для его собак. Он одевается в лохмотья. И оттого, что мозги у него не в порядке, он прячет свои деньги».

Теперь, заложив фундамент сострадания, Пилон перешел к выводам. «Не будет ли достойным деянием, – думал он, – позаботиться о нем, раз он сам о себе позаботиться не может? Покупать ему теплую одежду? Кормить его человеческой пищей? Однако, – напомнил он себе, – у меня ведь нет денег, хотя желание сделать все это терзает мое сердце. Так как же осуществить этот милосердный замысел?»

Вот теперь он был уже на правильном пути. Подобно кошке, которая в течение целого часа подбирается к воробью, Пилон был наконец готов к решающему прыжку. «Нашел! – мысленно вскричал он. – Дело обстоит так: у Пирата есть деньги, но не хватает ума их тратить. У меня есть ум! Мой ум будет к его услугам. Я даром поделюсь с ним своим рассудком. Вот как я смогу помочь этому бедному недоумку».

Это было одно из самых блестящих логических построений, когда-либо возводившихся Пилоном. И он почувствовал свойственную всякому истинному художнику потребность показать свое творение публике. «Я расскажу Пабло», — подумал он. Но тут же усомнился, есть ли у него право сделать это. Так ли уж Пабло безупречно честен? Не захочет ли он потратить часть денег на собственные нужды? Пилон решил не рисковать, по крайней мере на первых порах.

Удивительно бывает узнать, что брюхо самой черной и гнусной твари бело как снег. И грустно бывает обнаружить, что тело ангела под одеждой поражено проказой. Да будет честь и слава Пилону, ибо он открыл, как можно обнаружить и показать миру добро, скрытое в самом дурном. И в отличие от многих и многих святых он не был слеп ко злу, заключенному в благо. С грустью приходится признать, что Пилону никогда не удалось бы стать святым, ибо ему не хватало глупости, самодовольства и алчного желания обрести награду. Пилону было достаточно того, что он творит добро, и наградой ему служила радость созидания братства между людьми.

В тот же вечер он отправился в курятник, где жил Пират со своими собаками. Дэнни, Пабло и Хесус Мария, сидевшие у печурки, видели, что он собрался уходить, но ничего не сказали. Их удержала деликатность, так как, думали они, либо Пилон овеяло дыхание любви, либо он знает, как раздобыть немного вина. И в том и в другом случае это их не касается, если он сам не захочет рассказать, в чем дело.

Уже давно стемнело, и в кармане у Пилона лежал огарок, — кто знает, не подскажет ли что-нибудь выражение лица Пирата во время их разговора? А в сумке у Пилона покоилась сладкая булочка, которую Сузи Франсиско, работавшая в пекарне, дала ему в обмен на приворотное зелье для Чарли Гусмана. Чарли был почтово-телеграфным рассыльным и ездил на мотоцикле; и Сузи уже запаслась мужской кепкой, чтобы надеть ее задом наперед на случай, если Чарли вдруг пригласит ее прокатиться. Пилон полагал, что Пирату может понравиться сладкая булочка.

Вечер был очень темный. Пилон брел по узкой улочке, на которую выходили пустыри и заросшие бурьяном запущенные сады.

Злой бульдог Гальвеса, рыча, выбежал из калитки Гальвеса, и Пилон наговорил ему много лестных вещей, чтобы успокоить его.

«Хорошая собачка», — сказал он ласково, и еще: «Красивая собачка». И то и другое утверждение было заведомой ложью, однако они, видимо, произвели на бульдога благоприятное впечатление, ибо он снова скрылся за калиткой Гальвеса.

Наконец Пилон добрался до пустого дома, во дворе которого обитал Пират. Он знал, что теперь ему следует быть осторожным, ибо, как всем было известно, собаки Пирата, стоило им заподозрить кого-либо в дурном умысле против их хозяина, бросались на его защиту с демонической яро-

стью. Едва Пилон вошел во двор, как из курятника до него донеслось глухое угрожающее рычание.

– Пират! – окликнул он. – Это твой добрый друг Пилон пришел потолковать с тобой.

Наступила тишина. Собаки перестали рычать.

– Пират, это я, Пилон.

Ему ответил угрюмый бас:

– Уходи. Я сплю. Собаки спят. Уже темно, Пилон. Иди спать.

– У меня в кармане свечка, – крикнул Пилон. – От нее в твоём темном доме станет светло, как днем. У меня есть для тебя большая сладкая булка.

В курятнике послышалась легкая возня.

– Ну, входи, – сказал Пират. – Я скажу собакам, что ты свой.

Пробираясь через бурьян, Пилон слышал, как Пират тихо разговаривает с собаками, убеждая их, что это всего только Пилон, который ничего дурного им не сделает. Пилон согнулся перед темным ходом, чиркнул спичкой и зажег свой огарок.

Пират сидел на земляном полу, а собаки лежали поперек его ног и около него. Энрике заворчал, и его пришлось еще раз успокаивать.

– Он не такой умный, как остальные, – добродушно сказал Пират. Его глаза радостно блестели, как у развеселившегося ребенка. Он улыбнулся, и в свете огарка сверкнули его

большие белые зубы.

Пилон протянул ему сумку.

– Вот тебе вкусный пирог, – сказал он.

Пират взял сумку и заглянул в нее; потом он восхищенно улыбнулся и вытащил булочку. Собаки разом ухмыльнулись, повернули к нему морды, стали перебирать передними лапами и облизываться. Пират разломил булочку на семь кусков. Первый кусок от отдал Пилону, своему гостю.

– Держи, Энрике, – сказал он. – Держи, Пушок. Держи, Сеньор Алек Томпсон.

Каждая собака получила свою долю, сразу проглотила ее и посмотрела, не дадут ли еще. Пират съел свой кусок и показал собакам пустые руки.

– Видите, больше ничего нет, – сказал он им. И собаки тут же улеглись на свои места.

Пилон сел на пол и поставил огарок перед собой. Пират смущенно бросил на него вопрошающий взгляд. Пилон молчал, чтобы в голове Пирата успело промелькнуть побольше вопросов. Наконец он сказал:

– Ты причиняешь своим друзьям много беспокойства.

В глазах Пирата появилось удивление.

– Я? Моим друзьям? Каким друзьям?

Голос Пилона стал ласковым.

– У тебя есть много друзей, которые думают о тебе. Они не навещают тебя, потому что ты гордый. Они думают, что твоя гордость будет ранена, если они увидят, что ты живешь

в этом курятнике, одетый в лохмотья, и ешь отбросы вместе со своими собаками. А беспокоятся твои друзья потому, что боятся, как бы от такой плохой жизни ты не заболел.

Пират слушал его речь, не дыша от изумления, и его мозг тщетно пытался усвоить все эти новые вещи. Ему и в голову не приходило усомниться в их истинности – раз Пилон так говорит, значит, это правда.

– У меня столько друзей? – недоуменно спросил он. – А я и не знал. И я причиняю этим друзьям беспокойство? Я не знал, Пилон. Я не стал бы причинять им беспокойство, если бы знал. – Он глотнул, потому что волнение сжимало ему горло. – Понимаешь, Пилон, собакам здесь нравится. А мне здесь нравится из-за них. Я не знал, что причиняю беспокойство моим друзьям. – На глаза Пирата навернулись слезы.

– И все-таки, – сказал Пилон, – то, как ты живешь, тревожит всех твоих друзей.

Пират устался в землю и попытался обрести ясность мыслей, но, как всегда, когда он пробовал решить какой-нибудь вопрос, его мозг подернулся серым туманом и ничем ему не помог. В растерянности он поглядел на собак, ища защиты, но они уже снова заснули, потому что все это их не касалось. И тогда он просительно взглянул в глаза Пилона.

– Скажи мне, что я должен сделать, Пилон. Я этого ничего не знаю.

Все оказалось слишком простым. Пилону даже стало стыдно, что это так легко. Он заколебался и чуть было не от-

казался от своего плана, но тут же почувствовал, что в таком случае очень на себя рассердится.

– Твои друзья бедны, – сказал он. – Они хотели бы помочь тебе, но у них нет денег. Если у тебя есть спрятанные деньги, достань их. Купи себе одежду. Ешь настоящую пищу, а не то, что выбрасывают другие. Достань свои деньги из потайного места, Пират.

Произнося эту речь, Пилон внимательно вглядывался в лицо Пирата. Он увидел, как глаза Пирата наполнились подозрением и недоверием и угрюмо опустились. Теперь Пилон твердо знал две вещи: во-первых, что у Пирата есть спрятанные деньги и во-вторых, что добраться до них будет нелегко. Последнее было ему приятно. Пират превратился в тактическую задачу, решение которой доставляло Пилону истинное удовольствие.

Теперь Пират снова смотрел на него, и в его глазах была хитрость, прикрытая нарочитым простодушием.

– У меня нет никаких денег, – сказал он.

– Но каждый день, мой друг, я вижу, как ты получаешь четверть доллара за свои дрова, и я ни разу не видел, чтобы ты что-нибудь тратил.

На этот раз мозг Пирата успел прийти к нему на выручку.

– Я отдаю их одной бедной старушке, – сказал он. – У меня нет никаких денег. – И в тоне его было нечто, запиравшее эту тему на замок.

«Значит, нужно будет что-то придумать, – подумал Пи-

лон. — Значит, придется пустить в ход все мои дарования». Он встал и поднял огарок.

— Я только хотел рассказать тебе о том, как беспокоятся твои друзья, — сказал он с упреком. — Если ты не хочешь мне помочь, я ничего для тебя не могу сделать.

Глаза Пирата снова просияли нежностью.

— Скажи им, что я здоров, — попросил он. — Скажи моим друзьям, чтобы они приходили навещать меня. Я не буду очень гордым. Я буду рад их видеть в любое время. Ты передашь им все это, Пилон?

— Передам, — сухо ответил Пилон. — Но твои друзья огорчатся, когда узнают, что ты ничего не делаешь, чтобы успокоить их тревогу.

Пилон задул огарок и удалился в темноте. Он понял, что Пират никогда не откроет, где его тайник. Значит, надо добраться до него хитростью, взять деньги силой, а затем снабдить Пирата всем необходимым. Иного выхода не было.

И вот Пилон принялся следить за Пиратом. Он крался за ним в лес, когда тот шел рубить дрова. Он лежал в засаде у курятника по ночам. Он долго и настойчиво уговаривал его, но все было бесполезно. Он ни на шаг не приблизился к кладу. Либо деньги были закопаны в курятнике, либо спрятаны где-то в самой чаще леса, и Пират навещал свой тайник только по ночам.

Долгие и бесплодные бдения исчерпали терпение Пилона. Он понял, что нуждается в помощи и совете. А от кого было

их ждать, как не от его товарищей – Дэнни, Пабло и Хесуса Марии? Кто еще мог действовать столь хитро и столь вкрадчиво? Кто еще мог так забыть о себе в приливе доброты?

Пилон посвятил друзей в свой план; но сперва он подготовил их так же, как раньше подготовил себя: бедность Пирата, его беспомощность, и в заключение – выход из всех трудностей. Когда он дошел до описания этого выхода, его друзья уже пылали филантропическим жаром. Они осыпали его похвалами. Их лица лучились добротой. Пабло высказал предположение, что денег в тайнике наверняка гораздо больше, чем сто долларов.

Когда их восторг несколько улегся и превратился во вдохновляющий энтузиазм, они перешли к обсуждению дальнейших действий.

– Мы должны следить за ним, – сказал Пабло.

– Но я следил за ним, – возразил Пилон. – Наверное, он ходит туда ночью, и его легко потерять из виду. А по пятам за ним не пойдешь. Собаки охраняют его хуже всяких чертей. Это будет нелегко.

– Ты приводил ему все доводы? – спросил Дэнни.

– Да, все.

В конце концов выход нашел Хесус Мария, этот гуманнейший из людей.

– Это трудно, пока он живет в своем курятнике, – сказал он. – Ну а если он будет жить здесь, с нами? Либо наша доброта заставит его заговорить, либо нам будет легче заметить,

если он куда-нибудь уходит по ночам.

Друзья долго взвешивали это предложение.

– Иногда ему в ресторанах дают совсем хорошую еду, – задумчиво произнес Пабло. – Я сам видел у него бифштекс, в котором не хватало только самой чуточки.

– Там, может быть, даже двести долларов, – сказал Пилон.

У Дэнни нашлось возражение:

– Но как же собаки... он ведь приведет с собой собак.

– Это хорошие собаки, – сказал Пилон. – Они делают все, что он им говорит. Ты можешь отделить чертой угол и сказать: «Пусть твои собаки не выходят за эту черту». Он им объяснит, и собаки не будут оттуда выходить.

– Как-то утром я встретил Пирата, и он нес половину пирога, только чуть подмоченного кофе, – сказал Пабло.

Вопрос был улажен. Дом превратился в комитет, а комитет навестил Пирата.

В курятнике стало очень тесно, когда они все в него забрались. Пират пытался скрыть свою радость за ворчливым тоном.

– Погода стоит плохая, – начал он светскую беседу. И потом: – Может, вы не поверите, а я снял с шеи Рудольфа клеща величиной с голубиное яйцо. – Затем он презрительно отозвался о своем доме, как подобает хозяину: – Он слишком мал, – сказал он. – И недостойн того, чтобы принимать в нем друзей. Только здесь тепло и уютно, особенно собакам.

Тут заговорил Пилон. Он сказал Пирату, что тревога за

него убивает его друзей; но если бы он согласился жить у них, они снова могли бы спать со спокойной совестью.

Это потрясло Пирата. Он поглядел на свои руки. И он поглядел на своих собак, ища утешения и поддержки, но собаки отводили глаза. Наконец он стер счастье со своих глаз тыльной стороной ладони и вытер руку о свою большую черную бороду.

– А собаки? – спросил он тихо. – Вы и собак зовете? Моим собакам вы тоже друзья?

Пилон кивнул:

– Да, мы зовем и собак. Для собак будет отведен целый угол.

Пират был гордым человеком. Он боялся, что не сумеет держаться с должным достоинством.

– Уходите пока, – сказал он умоляюще. – Идите пока домой. Я приду завтра.

Его друзья понимали, что он чувствует. Они выползли за дверь и оставили его одного.

– Он будет счастлив с нами, – сказал Хесус Мария.

– Бедняжка, до чего он одинок, – добавил Дэнни. – Если бы я только знал, я бы уже давно пригласил его, даже не будь у него клада.

Они все пылали огнем радости.

Скоро они привыкли к новым жильцам. Дэнни с помощью кусочка синего мела отделил в большой комнате один из углов, который собаки не должны были покидать, пока находи-

лись в доме. В этом же углу вместе с собаками спал и Пират.

Теперь, когда в доме жило уже пять человек и пять собак, в нем стало тесновато, однако с самого начала Дэнни и его друзья поняли, что пригласить Пирата их надоумил тот усталый и замученный заботами ангел, который следил за их судьбами и охранял их от зла.

Каждое утро, задолго до того, как его друзья просыпались, Пират выбирался из своего угла и в сопровождении собак отправлялся на обход ресторанов и пристаней. Он принадлежал к тем людям, которых все жалеют. Вручаемые ему пакеты становились все объемистее. Друзья не пренебрегали его дарами и охотно принимали их: свежую рыбу, куски пирогов, непечатые черствые булки, мясо, которое достаточно было потереть содой, чтобы плесень сошла бесследно. Теперь они зажили по-настоящему.

И то, что они принимали его приношения, трогало Пирата куда больше, чем любое благодеяние, которое они могли бы ему оказать. Когда он смотрел, как они поедают принесенные им припасы, в его глазах светилось обожание.

По вечерам, когда они сидели у печурки и ленивыми голосами сытых богов обсуждали последние события, волновавшие Тортилья-Флэт, взгляд Пирата перебегал ото рта ко рту, и губы его шевелились, шепотом повторяя слова, проносимые его друзьями. Собаки лениво ластились к нему.

И эти люди – его друзья, говорил он себе по ночам, когда в доме воцарялся мрак, а собаки теснее прижимались к

нему, чтобы всем было тепло. Эти люди так его любили, так из-за него беспокоились, что не могли позволить ему жить в одиночестве. Пират без конца твердил себе это, потому что никак не мог поверить в столь чудесную, столь невероятную вещь. Его тачка стояла теперь во дворе Дэнни, и каждый день он рубил дрова и продавал их. Но Пират так боялся упустить хоть одно слово из вечерних бесед своих друзей и хотя бы на час лишиться возможности чувствовать веяние дружеской теплоты, что он уже несколько дней не навещал своего тайника и не добавлял к нему заработанные монеты.

Его друзья были очень добры к нему. Они обходились с ним с самой изысканной любезностью, но он всегда был под наблюдением чьих-то глаз. Когда он катил свою тачку в лес, один из друзей сопровождал его и сидел на бревне, пока он работал. Когда он перед сном спускался в овраг, Дэнни, или Пабло, или Пилон, или Хесус Мария шли вместе с ним. А ночью, как бы бесшумно он ни двигался, ему не удавалось выбраться из дома без того, чтобы за ним не последовала какая-то тень.

В течение недели друзья довольствовались тем, что просто следили за Пиратом. Но в конце концов такая бездельность им надоела. Действовать прямо, само собой разумеется, было нельзя – это они хорошо понимали. И вот как-то вечером у печки завязалась беседа о том, стоит ли прятать накопленные деньги. Начал Пилон:

– У меня был дядя, настоящий скряга, и он спрятал свое

золото в лесу. Один раз он пошел посмотреть на него, а его уже нет. Кто-то нашел это золото и украл. Дядя был тогда уже стариком, и так как все его деньги пропали, он повесился.

Пилон с удовлетворением заметил тревогу, омрачившую лицо Пирата.

Дэнни тоже заметил ее и тут же подхватил:

– Вьехо, мой дед, которому принадлежал этот дом, тоже закопал деньги. Не знаю сколько, но он слыл богачом, так что, наверное, их было долларов четыреста, не меньше. Вьехо вырыл глубокую яму и положил в нее деньги, а потом засыпал их землей, а потом набросал сверху сосновых игл, чтобы никто не мог догадаться, что тут копали. Но когда он вернулся, яма была раскопана, а от денег и помину не осталось.

Губы Пирата беззвучно повторяли каждое слово. На лице его был написан ужас. Его пальцы перебирали жесткую шерсть на загривке Сеньора Алека Томпсона. Друзья переглянулись и на время переменили тему. Они заговорили о любовных делах Корнелии Руис.

Ночью Пират выскользнул из дома, собаки выскользнули вслед за ним, а Пилон выскользнул вслед за всеми ними. Пират быстро углублялся в лес, уверенно перепрыгивая через поваленные деревья и кучи хвороста. Пилон кое-как поспевал за ним. Но когда они прошли так мили две, Пилон совсем запыхался и был весь исцарапан. Он остановился, чтобы перевести дух, и вдруг заметил, что впереди все звуки прекратились. Он подождал, прислушался, порыскал вокруг,

но Пират как сквозь землю провалился.

Только через два часа усталый Пилон добрался до дома. Там в углу среди своих собак крепко спал Пират. Когда Пилон вошел, собаки подняли головы, и Пилону показалось, что они ехидно ему улыбнулись.

На следующее утро в овраге происходило совещание.

– Выследить его невозможно, – сообщил Пилон. – Он исчезает. Он видит в темноте. Он знает в лесу каждое дерево. Надо найти какой-то другой способ.

– Может, это в одиночку трудно, – предположил Пабло. – Вот если мы все пойдем за ним, так, может, кто-нибудь его и проследит.

– Сегодня вечером мы опять будем разговаривать, – сказал Хесус Мария, – только страшнее. Одна моя знакомая дама хочет подарить мне немного вина, – скромно добавил он. – Может, если Пират чуточку выпьет, ему будет труднее от нас ускользнуть.

На этом и порешили.

Знакомая дама подарила Хесусу Марии целый галлон вина. Что может сравниться с восторгом Пирата, когда в этот вечер перед ним поставили банку, полную вина, и он, сидя в кругу друзей, попивал вино и слушал их беседу? Такая радость редко выпадала на долю Пирата. Он жаждал обнять этих чудесных людей и сказать им, как он их любит. Но сделать это было нельзя, так как они могли подумать, что он пьян. Он жалел, что не может совершить чего-нибудь заме-

чательного, чтобы показать им свою любовь.

– Вчера мы говорили о зарытых деньгах, – сказал Пилон. – Сегодня мне припомнился мой двоюродный брат, очень умный человек. Уж если кто-нибудь в мире мог найти для денег надежный тайник, так это он. И вот он взял свои деньги и спрятал их. Может, вы его видели, жалкого нищего, который бродит по пристаням, выклянчивая рыбы головы себе на похлебку? Так это мой двоюродный брат. Кто-то украл его зарытые деньги.

Лицо Пирата вновь омрачилось тревогой.

История следовала за историей, и в каждой на тех, кто прятал свои деньги, сыпались всевозможные беды.

– Лучше хранить деньги у себя под рукой, тратить их понемножку и делиться со своими друзьями, – закончил Дэнни.

Они не спускали глаз с Пирата и в разгар самой страшной из историй увидели, что тревога исчезла с его лица, сменившись улыбкой облегчения. Теперь он спокойно потягивал свое вино, и глаза его радостно блестели. Друзья пришли в отчаяние. Все их планы провалились. Им было невыносимо тяжело. Вот как им отплатили за их доброту, за их милосердие! Пират каким-то образом умудрился избежать тех благ, которыми они собирались его осыпать. Они допили свое вино и угрюмо разошлись по постелям.

Даже ночью бдительность не покидала Пилона. Его уши бодрствовали, когда все остальное его тело предавалось сну.

Он услышал, как Пират и его собаки крадучись вышли из дома. Он тут же разбудил своих друзей, и через секунду все четверо уже шли за Пиратом в лес. Среди сосен стояла непроглядная тьма. Четверо друзей натывались на стволы, путались в плетях ползучих растений, и все же в течение долгого времени слышали впереди шаги Пирата, и тут внезапно наступила тишина – только лес шелестел да шуршал легкий ночной ветерок. Они обшарили весь лес и все заросли кустарника, но Пират вновь бесследно исчез.

В конце концов, замерзшие, полные уныния, они отыскали друг друга и устало поплелись назад в Монтерей. Заря занялась задолго до их возвращения. Лучи солнца уже искрились в волнах залива. До них донесся запах утреннего дыма из кухонных труб Монтерея.

Пират вышел на крыльцо, чтобы поздороваться с ними, и лицо его светилось счастьем. Они угрюмо прошли мимо него в комнату. Там на столе лежал большой парусиновый мешок.

Пират тоже вошел в комнату.

– Я сказал тебе неправду, Пилон, – заговорил он. – Я сказал тебе, что у меня нет денег, потому что я боялся. Я ведь не знал тогда, что у меня есть друзья. Вы рассказывали о том, что спрятанные деньги всегда воруют, и я опять испугался. Только вчера вечером я понял, что делать. Мои деньги будут в безопасности у моих друзей. Никто не сможет украсть их, если мои друзья будут стеречь их для меня.

Все четверо в ужасе уставились на него.

– Забери свои деньги назад в лес и спрячь их там, – свирепо потребовал Дэнни. – Мы не хотим их стеречь.

– Нет, – сказал Пират. – Я буду бояться за них, если я их закопаю. Но я буду счастлив и спокоен, зная, что мои друзья стерегут их для меня. Вы не поверите этому, но две прошлые ночи кто-то выслеживал меня в лесу, чтобы украсть мои деньги.

Как ни ужасен был удар, Пилон, это воплощение находчивости, попытался отвести его.

– Прежде чем отдать нам эти деньги, – сказал он вкрадчиво, – может, ты возьмешь себе немножко на расходы?

Пират покачал головой:

– Этого я сделать не могу. Деньги обещанные. У меня уже почти тысяча четвертаков. Когда я наберу их тысячу, я куплю золотой подсвечник для святого Франциска Ассизского. У меня была очень хорошая собака, и она заболела; и я обещал проработать тысячу дней, чтобы купить золотой подсвечник, если собака поправится. И, – он протянул вперед свои огромные ладони, – эта собака поправилась.

– Одна из этих собак? – осведомился Пилон.

– Нет, – сказал Пират. – Ту через несколько дней задавил грузовик.

Итак, все было кончено, не осталось никакой надежды увернуться от этих денег. Дэнни и Пабло угрюмо подняли тяжелый мешок с серебряными монетами, отнесли его в соседнюю комнату и положили под подушку на кровати Дэн-

ни. Со временем мысль о том, что эти деньги лежат у них под подушкой, стала приносить им радость, но в эту минуту горечь поражения была невыносима. И ничего нельзя было сделать. Счастье поманило их и обмануло.

Пират стоял перед ними, и в глазах его сверкали блаженные слезы, ибо он доказал свою любовь к друзьям.

– Подумать только, – сказал он, – столько лет я прожил в курятнике, не зная никаких радостей. Но зато теперь, – закончил он, – зато теперь я очень, очень счастлив.

Глава VIII

О том, как друзья Дэнни в канун Дня святого Андрея искали заколдованный клад. О том, как Пилон нашел его и как позже саржесвые брюки дважды переменяли владельца

Если бы Португалец был героем, он истерзался бы, служа в армии. Но он был Большой Джо Португалец, прошедший хорошую тренировку в монтерейской тюрьме, и это не только избавило его от мук неудовлетворенного патриотизма, но и укрепило в следующем убеждении: как каждый день своей жизни человек делит пополам между сном и бодрствованием, так и каждый год человеческой жизни положено делить пополам между тюрьмой и волей. Однако пока шла война, Джо Португалец проводил в тюрьме значительно больше времени, чем на воле.

В гражданской жизни человека наказывают за то, что он делает; однако военные уставы добавляют к этому совершенно новый принцип – они наказывают человека за то, чего он не делает. Джо Португалец никак не мог этого понять. Он не чистил своей винтовки, он не брился и раз или два не возвращался из отпуска. Эти прегрешения усугублялись, кроме того, склонностью Большого Джо вступать в словесные перепалки, когда начальство пыталось его образумить.

Прежде он проводил в тюрьме половину своей жизни; из двух лет службы в армии он провел в тюрьме восемнадцать

месяцев. И тюремная жизнь в армии ему совсем не нравилась. Монтерейская тюрьма приучила его к покою и приятному обществу. В армии его принуждали работать. В Монтерее его всегда обвиняли только в одном: в пьянстве и нарушении общественного порядка. Обвинения, предъявлявшиеся ему в армии, настолько сбили его с толку, что это, вероятно, оставило неизгладимый след на его рассудке.

Когда война кончилась и солдаты были распущены по домам, Большому Джо еще предстояло отсидеть шесть месяцев. Обвинение гласило: «Появление в пьяном виде в расположении полка. Нанесение сержанту удара канистрой из-под керосина. Попытка отрицания своей личности (Джо на чисто забыл, кто он такой, и поэтому на все вопросы отвечал отрицательно). Кража шестнадцати фунтов вареных бобов и самовольная отлучка на лошади майора».

Если бы перемирие еще не было подписано, Большого Джо, вероятно, расстреляли бы. Он вернулся в Монтерей много позже остальных ветеранов, когда те уже успели пообъесть все сладкие плоды победы.

Когда Большой Джо соскочил с поезда, на нем были армейская шинель, гимнастерка и синие саржевые брюки.

В городе все осталось по-старому, если не считать «сухого закона», а в заведении Торрелли все осталось по-старому, несмотря на «сухой закон». Джо сменял свою шинель на галлон вина и отправился искать друзей.

Истинных друзей он в этот вечер не встретил, хотя ему

в изобилии попадались те гнусные и криводушные гарпии и мошенники, которые всегда рады заманить человека в пучину порока. Джо, не отличавшийся высокой нравственностью, не испытывал никакого отвращения к пучине; она ему нравилась.

Довольно скоро вино его иссякло, а денег у него не было и раньше. И тут гарпии попробовали изгнать Джо из пучины, но он ни за что не хотел уходить. Ему в пучине было уютно.

Когда они попытались пустить в ход силу, Большой Джо в справедливом и ужасающем негодовании переломал всю мебель, перебил все стекла в окнах, выгнал полураздетых визжащих девиц в ночной мрак и напоследок поджег дом. Вводить Джо в искушение было делом опасным: он и не думал ему противиться.

В конце концов явился полицейский и забрал его. Большой Джо испустил счастливый вздох. Теперь он почувствовал, что действительно вернулся домой.

После короткого судебного разбирательства без участия присяжных он получил тридцать дней тюремного заключения, с наслаждением разлегся на жесткой койке и проспал без просыпу десятую часть своего срока.

Большой Джо любил монтерейскую тюрьму. В ней всегда можно было рассчитывать на хорошую компанию. Стоило остаться тут подольше, и он успевал по очереди повидать всех своих друзей. Время летело незаметно. Ему взгрустнулось, когда пришлось с ней расстаться, но грусть эту смягча-

ла мысль, что он может вернуться сюда в любую минуту.

Он с радостью погрузился бы вновь в пучину порока, но у него не было ни денег, ни вина. Он исходил все улицы в поисках своих старых друзей – Пилона, и Дэнни, и Пабло, но так их и не встретил. Полицейский сержант сказал, что давно уже не забирал их в участок.

– Значит, они все умерли, – сказал Португалец.

В тоске он забрел к Торрелли, но Торрелли не жаловал людей, у которых не было ни денег, ни ценных вещей, и Большой Джо не нашел у него утешения. Однако Торрелли все-таки сообщил ему, что Дэнни получил в наследство дом в Тортилья-Флэт и что все его друзья живут теперь у него.

Большого Джо охватила нежность к друзьям и горячее желание увидеть их. Вечером он отправился на холм в Тортилья-Флэт, чтобы отыскать Дэнни и Пилона. Пока он поднимался по крутой улочке, уже совсем стемнело, и тут ему навстречу попался Пилон, спешивший куда-то с озабоченным видом.

– Здравствуй, Пилон. А я как раз иду к тебе.

– Здравствуй, Джо Португалец, – торопливо сказал Пилон. – Где ты пропадал?

– В армии, – ответил Джо.

Мысли Пилона были заняты другим.

– Ну, мне пора, – бросил он.

– Я пойду с тобой, – сказал Джо.

Пилон остановился и смерил его взглядом.

– А ты помнишь, какая сегодня ночь?

– Нет. А какая?

– Сегодня канун Дня святого Андрея.

Тут Большой Джо Португалец понял все: это была ночь, когда все пайсано, за исключением тех, кто сидел в тюрьме, бродили до утра в лесу. Это была ночь, когда все погребенные в земле клады испускали слабое флуоресцирующее сияние. А сокровищ в лесу было спрятано немало. За двести лет Монтерей много раз подвергался нашествию врагов, и каждый раз люди закапывали свои богатства в землю.

Ночь была ясная. Пилон, как это иногда с ним случалось, сбросил с себя жесткую дневную скорлупу. В эту ночь он был идеалистом, дарителем даров. В эту ночь он выполнял благородную миссию.

– Ты можешь пойти со мной, Большой Джо Португалец, но если мы найдем клад, решать, что с ним делать, буду я. Если ты на это не согласен, то иди один и ищи свой собственный клад.

Большой Джо не умел самостоятельно расходовать свою энергию.

– Я пойду с тобой, Пилон, – сказал он. – А без клада я обойдусь.

Когда они вошли в лес, наступила ночь. Их ноги ступали по ковру из опавшей хвои. И Пилон понял, что ночь эта совершенна. Небо подернулось туманной дымкой, и лунный свет между деревьями колыхался, как легкая газовая ткань.

Исчезла четкость форм, которую мы привыкли отождествлять с реальностью. Стволы сосен казались не черными деревянными колоннами, а мягкими полупрозрачными тенями. В неверном свете смутные пятна кустов непрерывно меняли свои очертания. В такую ночь привидения могли смело разгуливать по земле, не страшась людского неверия, ибо это была колдовская ночь и ее чарам не поддался бы лишь самый тупой и нечувствительный человек.

Иногда Пилону и Джо встречались другие искатели кладов, без устали выписывавшие среди сосен сложные зигзаги. Они шли молча, опустив голову, и не окликали встречных. И кто мог сказать, все ли они были живыми людьми из плоти и крови? Джо и Пилон знали, что по лесу бродят и призраки тех, кто когда-то закопал тут клады, ибо в канун Дня святого Андрея они возвращаются на землю присмотреть, чтобы никто не тронул их золота. На шее Пилона поверх одежды висела ладанка с изображением его святого, и поэтому он не боялся духов. Большой Джо шел, сложив пальцы крестом. Хотя их и одолевал страх, они знали, что надежно защищены от таинственных сил этой ночи.

Пока они ходили так, поднялся ветер, и по бледному лунному диску, словно вода, чуть замутненная серой акварельной краской, заструился туман. Зыбкий туман привел в движение лес: каждое дерево тихонько кралось куда-то, и бесшумно, как большие черные кошки, кружили кусты. Вершины деревьев хрипло шептались на ветру, предсказывали

судьбу, пророчили смерть. Пилон знал, что лучше не слушать речи деревьев. Провидение будущего никому еще не приносило добра, а кроме того, этот шепот нес погибель человеческим душам. Пилон не стал слушать речи деревьев.

Он зигзагами шел по лесу, а Большой Джо шел рядом с ним, словно громадный насторожившийся пес. Одинокие безмолвные люди проходили мимо и шли дальше, не окликнув их; и мертвецы бесшумно проходили мимо и шли дальше, не окликнув их.

Далеко внизу, на маяке, завывала в сгустившемся тумане сирена; она рыдала, изливая свою печаль по всем славным кораблям, разбившимся на безжалостном рифе, и по всем тем, которым еще суждено было там разбиться.

Пилон содрогнулся, и ему стало холодно, хотя ночь была теплой. Еле слышным шепотом он начал читать «Ave Maria».

Им встретился серый человек, который шел, опустив голову, и не окликнул их.

Минул час, а Пилон и Большой Джо все еще бродили по лесу так же неприкаянно, как мертвецы, которыми была полна эта ночь.

Вдруг Пилон остановился. Его рука нащупала локоть Джо.

– Видишь? – шепнул он.

– Где?

– Вон там, прямо впереди.

– Кажется, вижу.

Пилону мнилось, что он видит смутный столп бледно-го-

лубого света, исходящий из земли в десяти ярдах перед ним.

– Большой Джо, – прошептал он, – найди две палки фута в три длиной. Я боюсь отвести глаза. Я могу его потерять.

Он стоял, как пойнтер над дичью, а Большой Джо кинулся за палками. Пилон слышал, как он отломил две сухие сосновые ветки. Потом раздалось потрескивание – это Большой Джо очищал ветки от сучков. А Пилон по-прежнему смотрел на бледное призрачное сияние. Оно было таким слабым, что порой вовсе исчезало. Иногда Пилону казалось, что оно ему только чудится. Он не отвел взгляда, когда Большой Джо сунул ему в руку две палки. Пилон сложил палки под прямым углом и медленно пошел вперед, держа перед собой крест. Когда он приблизился, свет словно растаял, но Пилон уже заметил там, откуда он пробивался, совершенно круглую впадину в ковре из сосновых игл.

Пилон положил свой крест на эту впадину и произнес:

– Все, что лежит тут, принадлежит мне по праву открытия. Прочь, все злые духи. Прочь, души тех, кто зарыл клад. *In Nomen Patris et Filii et Spiritus Sancti!*¹¹ – Тут он перевел дух и сел на землю.

– Мы нашли его, друг мой Большой Джо, – вскричал он. – Много лет я искал его и вот нашел.

– Давай копать, – сказал Большой Джо.

Но Пилон досадливо помотал головой.

– Когда все духи свободно бродят по земле? Когда даже

¹¹ Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа! (*лат.*)

быть здесь опасно? Ты дурак, Большой Джо. Мы просидим тут до утра, потом заметим место, а копать будем завтра ночью. Света больше никто не увидит, потому что мы придавили его крестом. А завтра ночью никакой опасности уже не будет.

Теперь, когда они уселись на сухую хвою, ночь показалась им еще более жуткой, но крест, словно маленький костер, источал теплоту святости и спокойствия. Однако, как всякий костер, он грел их только спереди. А спины их были открыты холодной и злой нечисти, бродившей по лесу.

Пилон встал, очертил место, где они сидели, большим кругом и, замыкая его, оказался внутри.

– Да не преступит никакая нечисть этой черты, заклинаю ее именем Пресвятого Иисуса, – проговорил он нараспев.

Потом он снова сел. И у него, и у Большого Джо стало легче на душе. Они слышали приглушенные шаги измученных, неприкаянных духов; они видели огоньки, мерцавшие на проходивших мимо призрачных фигурах; но спасительная черта надежно защищала их. Никакие злые силы ни здешнего, ни потустороннего мира не могли проникнуть в круг.

– А что ты сделаешь с деньгами? – сказал Большой Джо.

Пилон бросил на него презрительный взгляд.

– Видно, ты никогда не ходил искать кладов, Большой Джо. Португалец, ведь ты даже не знаешь, как это делается. Я не могу оставить этот клад себе. Если стану выкапывать его для

себя, он будет уходить все глубже и глубже в землю, как устрица в песок, и не дастся мне в руки. Нет, так кладов не ищут. Этот клад я выкопаю для Дэнни.

Вся жившая в Пилоне мечта об идеальном вырвалась наружу. Он рассказал Большому Джо, как добр был Дэнни к своим друзьям.

– А мы ничего для него не делаем, – говорил он. – Мы не платим за жилье. Иногда мы напиваемся и ломаем мебель. Мы деремся с Дэнни, когда злимся на него, и обзываем его разными словами. Мы все очень плохие, Большой Джо. И вот все мы – Пабло, и Хесус Мария, и Пират, и я – потолковали между собой и кое-что придумали. Сегодня мы все пошли в лес искать клад. И клад этот мы ищем для Дэнни. Дэнни такой хороший, Большой Джо. Он такой добрый, а мы такие плохие. Но если мы принесем ему большой мешок сокровищ, он обрадуется. И потому, что сердце мое чисто от корысти, мне было дано найти клад.

– И ты ничего себе не возьмешь? – недоверчиво спросил Большой Джо. – Даже на бутылку вина?

В Пилоне в эту ночь не осталось даже крупички скверного Пилона.

– Нет, ни единой золотой пылинки! Ни единого цента! Это все для Дэнни, все целиком.

Большой Джо был разочарован.

– Я столько ходил, и не получу за это даже стаканчика вина! – пожаловался он.

– Когда мы отдадим эти деньги Дэнни, – тактично сказал Пилон, – он, быть может, купит немножко вина. Конечно, я об этом и не заикнусь, потому что клад принадлежит Дэнни. Но мне думается, что он, может быть, и купит немножко вина. И в таком случае, если ты сделал ему что-нибудь хорошее, он, пожалуй, угостит и тебя.

Большой Джо утешился. Он давно знал Дэнни и считал вполне вероятным, что Дэнни купит довольно много вина.

Над ними струилась ночь. Луна зашла, и лес погрузился в глухую тьму. Сирена на мысу выла, не умолкая. И всю ночь напролет Пилон хранил непорочную чистоту души. Он даже принялся читать наставление Большому Джо, как это свойственно новообращенным.

– Быть добрым и великодушным дело стоящее, – сказал он. – Благие деяния не только возводят нас приют блаженства на небесах, но и приносят скорую награду здесь, на земле. По животу разливается золотое тепло, словно после глотка крепкой перцовки. Дух Божий облекает тебя в пиджак, мягкий, словно из верблюжьей шерсти. Я не всегда был хорошим человеком, Большой Джо Португалец. Я признаюсь в этом по доброй воле.

Большой Джо был прекрасно осведомлен об этом и без его признания.

– Я был плохим, – в экстазе продолжал Пилон, наслаждаясь своей речью. – Я лгал и воровал. Я предавался распутству. Я прелюбодействовал и поминал имя Божье всеу.

– И я тоже, – радостно вставил Большой Джо.

– А к чему это привело, Большой Джо Португалец? Меня томил страх. Я знал, что попаду в ад. Но теперь я вижу, что нет такого грешника, который не мог бы обрести прощения. Хотя я еще не побывал у исповеди, я чувствую, что перемена во мне угодна Богу, ибо его благодать осенила меня. Если и ты тоже изменишь свою жизнь, Большой Джо, если ты оставишь пьянство, и драки, и девочек Доры Уильямс, то, быть может, ты почувствуешь то же, что и я.

Но Большой Джо крепко спал. Он всегда быстро засыпал, как только переставал двигаться.

Пилон уже не так явственно ощущал осенившую его благодать, потому что не мог больше рассказывать о ней Большому Джо, но он продолжал сидеть и смотреть на место, под которым покоился клад, а небо из темного становилось серым, и за туманами занималась заря. Он видел, как деревья обретали форму и выступали из сумрака. Ветер затих, из кустов выбежали маленькие голубоватые кролики и запрыгали по сухой хвое. Глаза Пилона слипались, но он был счастлив.

Когда рассвело, он ногой растолкал Большого Джо:

– Пора идти домой к Дэнни. Уже день.

Пилон отбросил крест, так как он больше не был нужен, и стер спасительную черту.

– А теперь, – сказал он, – мы должны запомнить это место по деревьям и камням, потому что никаких заметок делать нельзя.

– Давай выкопаем его сейчас, – предложил Большой Джо.

– И пусть вся Тортилья-Флэт явится к нам на подмогу, – саркастически закончил Пилон.

Они внимательно осмотрели все кругом, замечая:

– Вот три дерева рядом справа и два слева. Вон там кусты, а тут большой камень.

Наконец они ушли от клада, старательно запоминая дорогу.

В доме Дэнни они увидели усталых друзей.

– Вы что-нибудь нашли? – осведомились те.

– Нет, – быстро ответил Пилон, предупреждая признание, готовое сорваться с губ Большого Джо.

– Пабло думал, что видит свет, но свет исчез прежде, чем он до него добрался. А Пират видел призрак старухи, и с ней была его собака.

Пират заулыбался:

– Старуха сказала, что моя собака теперь счастлива.

– Со мной пришел Большой Джо Португалец, он вернулся из армии, – возвестил Пилон.

– Здорово, Джо.

– У вас тут очень неплохо, – сказал Португалец, непри-
нужденно опускаясь в кресло.

– Держись подальше от моей кровати, – предупредил его Дэнни, ибо он знал, что Джо Португалец отсюда больше не уйдет. В том, как он сидел в кресле, закинув ногу на ногу, чувствовалась домашняя небрежность.

Пират вышел во двор, забрал свою тачку и отправился в лес рубить дрова; но остальные пятеро улеглись, подставляя себя тем солнечным лучам, которые успели пробиться сквозь туман, и вскоре крепко уснули.

Когда они проснулись, день был уже в разгаре. Пробудившись, они потянулись, сели и скучным взглядом уставились на залив, на коричневый танкер, который медленно выходил в открытое море. Пират оставил на столе свои сумки, и друзья, открыв их, достали еду, которую собрал Пират.

Большой Джо направился по дорожке к покосившейся калитке.

– Вечером увидимся, – крикнул он Пилону.

Пилон провожал его тревожным взглядом, пока не убедился, что Большой Джо спускается по холму в Монтерей, а не поднимается к лесу. Четверо друзей расположились удобнее и в приятной дремоте следили за тем, как наступает вечер.

В сумерках вернулся Джо Португалец. Пилон отвел его в угол двора, подальше от дома, и они коротко посоветовались.

– Мы возьмем инструменты займы у миссис Моралес, – сказал Пилон. – Лопата и мотыга прислонены к ее курятнику.

Когда совсем стемнело, они отправились в путь.

– Мы идем в гости к девочкам, знакомым Джо Португальца, – сообщил Пилон остальным.

Пилон и Джо осторожно проникли во двор миссис Мора-

лес и взяли займы лопату и мотыгу. И тут Большой Джо вытащил из придорожного бурьяна бутылъ вина.

– Ты продал клад, – в ярости крикнул Пилон, – ты предатель, о собачья собака!

Большой Джо невозмутимо успокоил его.

– Я не сказал, где лежит клад, – заявил он с достоинством. – Я сказал вот так: «Мы нашли клад, – сказал я. – Но он принадлежит Дэнни. Когда Дэнни его получит, я займу у него доллар и заплачу за вино».

Пилон был ошеломлен.

– И тебе поверили и тебе дали вина? – с сомнением в голосе спросил он.

– Ну, – запнувшись, объяснил Большой Джо. – я оставил одну вещь в залог того, что я принесу доллар.

Пилон молниеносно повернулся и схватил его за горло.

– Что ты оставил?

– Только одно крохотное одеяло, Пилон, – жалобно проскулил Большой Джо. – Всего одно одеяло.

Пилон принялся его трясти, но Большой Джо был так грузен, что Пилону удалось встряхнуть только самого себя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.